

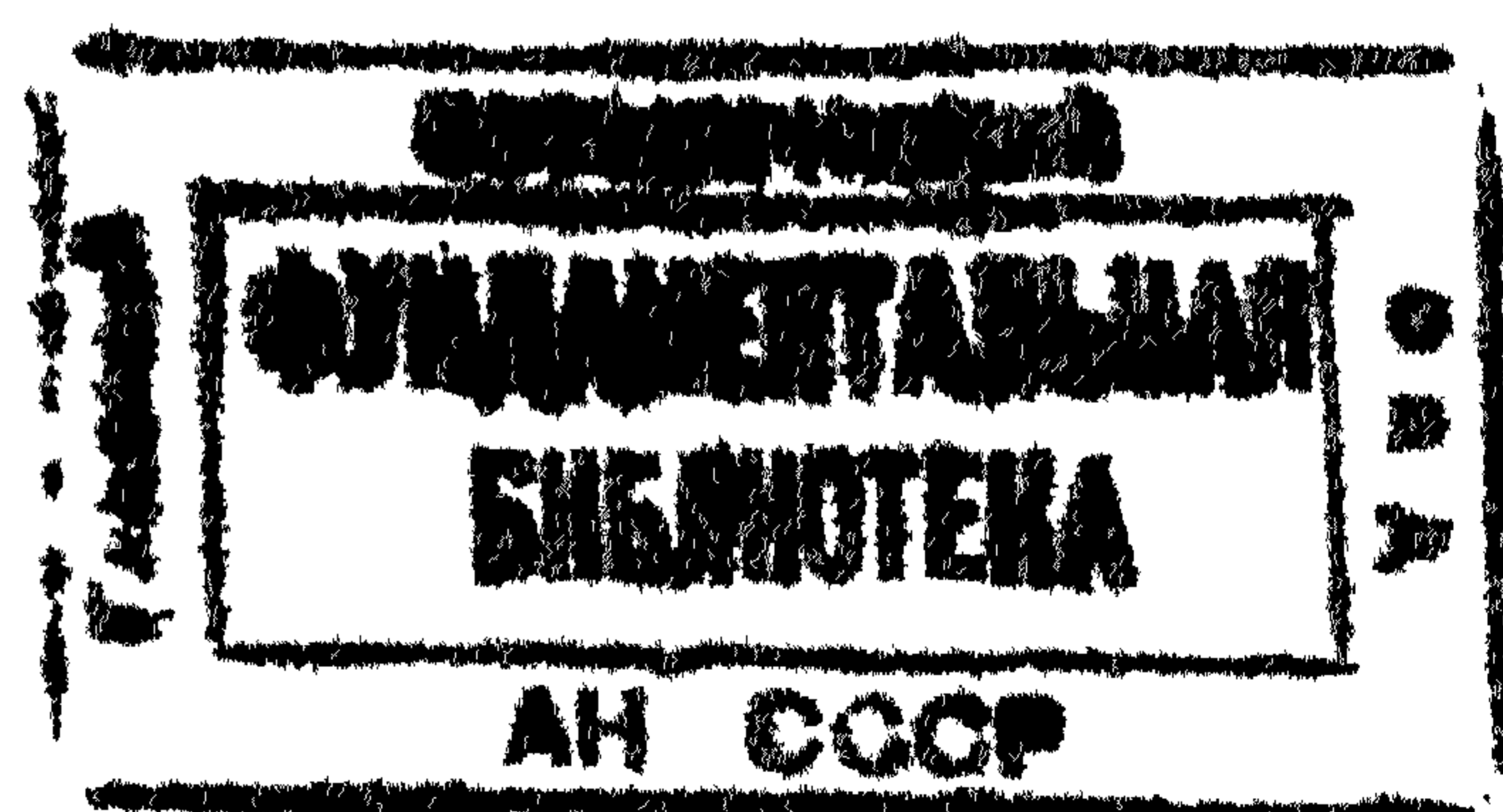
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
КОМИССИЯ ПО НАУЧНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ
МОНГОЛЬСКОЙ И ТАННУ-ТУВИНСКОЙ РЕСПУБЛИК

СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ

III

П. К. КОЗЛОВ

Краткий отчет о Монголо-Тибетской
экспедиции Государственного Русского
Географического Общества 1923—1926 гг.

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Январь 1928 года

Непременный Секретарь академик С. Ольденбург

Начато набором в сентябре 1927 года. — Окончено печатанием в январе 1928 года

Тит. л. + 47 стр. + 11 табл.

Ленинградский Областлит № 52493. — 3 печ. л. — Тираж 1000
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

№ 1952

Еще одно путешествие в Центральной Азии — Монголии, еще новая страница из истории прошлого этой интересной страны.

Зимой 1924 — 1925 гг. мне пришлось временно оставить Монголию, а с нею и мою Монголо-Тибетскую экспедицию, чтобы съездить в Москву и Ленинград и доставить в Географическое Общество и Академию Наук все археологические ценности, найденные в разрытых экспедицией курганах в горах Ноин-ула. В Ленинграде специалисты-археологи, предварительно, разобрались в находках монгольских курганов, отнеся их ко времени Ханьской династии с культурой Китая, с одной стороны, и античным влиянием, с другой. Интерес ноин-ульских научных ценностей оказался громадным, в особенности, по отношению материала, извлеченного из так называемого Шестого, или Верхнего, глубокого, богатого кургана.

Вследствие обвалов и оползней стен ямы этого Верхнего кургана работы пришлось временно приостановить. Между тем, многие предметы погребения (а в том числе и подгробный ковер, представляющий исключительную ценность), находившиеся внутри погребального помещения, не были извлечены. Это обстоятельство заставило с ранней весны приступить ко вторичной разработке Верхнего кургана — последним археологическим раскопкам в Ноин-уле, так как летом предстояло настоящее путешествие — продвижение экспедиции вглубь страны: в Хангай, Монгольский Алтай и далее к югу, до мертвого города Хара-хото или низовья Эцзин-гола включительно.

Верхний курган расположен в восточной подгруппе Суцзуктинских могил, в ее северной части. Кругом — березняк и редкие сосновые деревья; много пней вековых лиственниц, сосен, и много валежнику. На внутреннем скате воронки кургана имеется пень от вековой сосны 160 лет. Верхний курган — один из наиболее крупных курганов Суцзуктинской группы и самый крупный ее восточной подгруппы. Основная его граница, очертание, — квадрат, сторона которого 24,5 метра, высота насыпи 1,62—1,95 м, навал над входом, или шлейф кургана, имеет в длину 22,5 м, ширина его основания — 9,25 м. Каменная кладка с внешней стороны кургана и у входа обильна; это обстоятельство предохранило насыпь от размывания и уберегло форму всего земляного сооружения. Как и другие курганы, Верхний ориентирован по странам света. Вход и две стороны

квадрата расположены в меридианальной плоскости; две другие стороны — в вертикальной, т.-е., от востока к западу.

Разрабатывать именно этот курган побудили нас следующие мотивы: основательность всего сооружения, хорошая сохранность формы и его большее возвышение над горизонтом водного слоя в ручье (22,5 м), нежели у каждого из остальных курганов этой подгруппы.

Первоначальная раскопка кургана началась 24 марта и закончилась 20 мая 1924 г. В результате было извлечено из кургана 145 предметов. Все археологические ценности с января 1925 г. находятся в Ленинграде и были впервые выставлены в помещении Русского Географического Общества. Вторичная разработка Верхнего кургана была принята в начале марта 1925 г., когда рабочие приступили прежде всего к откачиванию воды, накопившейся за год в гробнице и нижней части обшитой срубом ямы. После удаления воды начаты были работы по извлечению земли, и вскоре на вывалившихся частях наружной части потолка были неожиданно обнаружены куски художественно вышитой ткани. Детальный осмотр потолка на его краях и изломах, доступных наблюдению, привел к предположению, что тканый ковер покрывает значительную часть потолка.

К спуску нового сруба мы приступили в начале апреля.¹ Вероятно в виду мелкоснежья минувшей зимы промерзлость почвы распространилась на четыре метра от поверхности земли, что значительно отразилось на быстроте работы. Встретились и другие затруднения. Много вспомогательных приспособлений пришлось сконцентрировать при спуске и установке сруба, а также и при очистке гробницы. При настоящей разработке Верхнего кургана мы применили расширение нижней части сруба в форме усеченной пирамиды с площадью нижнего основания в 15 кв. м. Расширение сруба начали на расстоянии двух метров от потолка гробницы. Этот прием, с одной стороны, позволил нам освободить сверху большую часть гробницы, с другой, — ограничиться относительно весьма небольшим выбросом земли.

С глубины девяти метров стали попадаться в большом количестве крупные куски камня. С конца десятого метра грунт принял черный оттенок от обилия мелкого и порошкообразного угля. При этом отмечены следующие детали погребения, не наблюдавшиеся при первой разработке:

- а) на многих стойках сохранились слабые следы капителей;
- б) в северном коридоре, окружающем погребальную камеру, обнаружены остатки трех стоек, прилегавших к северной стене внутренней камеры и расположенных против трех стоек, отмеченных на плане; таким образом, в северном коридоре шесть стоек;
- в) меридианальные стены внутренней камеры выдаются на 0,08—0,1 м за северную и южную поперечные стены;

¹ Вскоре по возвращении моем из Москвы в Монголию.

d) концы наружных матиц входят в вырубленные для этой цели отверстия в стенах.

По окончании этой стадии работы приступили к исследованию и извлечению земляного напыла из глины и песка, частью просачивающихся, частью осыпавшихся в погребальную камеру. Прежде всего был очищен северный коридор, где были найдены остатки двух урн, косы, обрывки различных тканей и кожи, седла, два деревянных пилястра, два куска толстого ковра и другие предметы. Затем перешли к северной части внутренней камеры, до гроба, и к восточному коридору. В последнем, на весьма небольшой площади, было найдено много ценных предметов: кусок толстого ковра, одежда покойника, барельефы аргали, или овцебыка, и т. д.

В дальнейшем, с особой тщательностью, была пересмотрена земля в гробу, но в ней не оказалось ничего. Освобожденный гроб извлекли по частям наружу. В некоторых местах на нем видны следы лака и краски. Подгробные лёжки оказались в сильно сдвинутом положении. Они были прикрыты кусками шелка с богатым рисунком — крылатые всадники и олени. Покойник был вытащен из гроба, повидимому, грабителями и брошен в восточном коридоре, где оказался в сидячем положении. При разборке частей широчайшей одежды, из шелковых кальсон были извлечены остатки костей — коленные чашки, обломки большой берцовой кости и др., обильно покрытые зелеными кристаллами. Одежда покойника издавала резкий, но не неприятный запах, отдаленно напоминающий запах камфары. Быть-может, это следы консервации трупа. Много вещей было найдено под гробом и в западной части внутренней камеры; и немного, сравнительно, в западном коридоре.

В общем, настоящая разработка Верхнего кургана дала находки по своей ценности, повидимому, неуступающие предметам, ранее добытым из этого кургана. Достаточно отметить одежду покойника, надпотолочный ковер, ковер из внутренней камеры с местным орнаментом, изображающим лося с грифоном и быка с леопардом, вышивку типа „человек и птица“, барельефы копытных, ткань с „крылатыми всадниками“, крашеные пилястры и др. Всего добыто, не считая керамики и частей ковра, около пятисот отдельных предметов. Весь этот материал был вскоре затем доставлен в Ленинград и приобщен к таковому первой привозки, находившемуся уже в Мраморном дворце, в Российской Академии Истории Материальной Культуры.¹ Здесь, на время юбилейных торжеств Академии Наук, была устроена выставка ноин-ульских археологических ценностей, привлекавшая внимание и иностранных гостей.

Одновременно с раскопками Ноин-ульских курганов, членами экспедиции непрерывно велись геологические, ботанические и зоологические

¹ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Ленинград, 1925.

сборы. Зоологические коллекции, в частности орнитологические, — дали немало нового, как в области систематики, так и в зоогеографическом отношении. Летом 1925 г. экспедиция закончила раскопки в горах Ноин-ула и не без некоторого сожаления рассталась с лесистым Кэнтэем, где так плодотворно протекала до сих пор ее работа. Наш Суцзуктинский лагерь был перенесен в Ургу для окончательного снаряжения в дальнейший путь, в глубину Монголии.

В последние годы, начиная с 1912 г., Монголия живет более или менее самостоятельно, устраивает собственное хозяйство, имеет университет, средние и низшие школы, имеет Ученый Комитет или Академию Наук с музеем, богатой библиотекой. Во главе Ученого Комитета стоит известный монголист Цэбэн Жамцаранович Жамцарано. Монгольский Ученый Комитет начинает организовывать свои экспедиции, и участвует в экспедициях, направляемых в позднейшее время в Монголию так называемой Монгольской Комиссией при Совнаркоме и Академии Наук, а теперь исключительно при Академии Наук. Все вообще экспедиции, прибывшие в столицу Монголии — Улан-Батор-хото, немедленно устанавливают с Монгольским Ученым Комитетом более или менее тесную связь.

Руководимая мною Монголо-Тибетская научная экспедиция Государственного Русского Географического Общества имела самые дружеские отношения с Монгольским Ученым Комитетом. Да и все население страны всегда оказывало нам внимание и гостеприимство и тем самым в значительной мере содействовало успеху экспедиции.

Все монголы, встречавшиеся на нашем пути, за весьма немногими исключениями, не имели косы; коса, как пережиток, нередко встречается в глубине страны; чаще, нежели прежде, монголы в свою монгольскую речь вставляли русские слова, а то и целые фразы. С большим, нежели прежде, вниманием и доверием они наблюдали за сортировкой и укладкой гербария, препарированием птиц и ловлей насекомых; с готовностью брали в руки предложенный им сачок, чтобы поймать бабочку или муху. Одни ловили, другие восхваляли ловкость своего собрата или, чаще, смеялись над тем, как неопытный ловец, упустив насекомое, падал при непривычно быстром движении по неровной поверхности. Монголы, жизнерадостны, заливаются звонким смехом и неподдельно веселятся. Но чего они смертельно боятся, так это змей; ни за что на свете не согласятся они не только взять в руки, но даже и близко подойти к такому зоологическому объекту.

Кстати о змеях. В наших спиртовых коллекциях змей, вообще, насчитывается до 40—50 экземпляров, принадлежащих к пяти видам. Наибольшая из змей (*Coluber schrenckei*), имеющая в длину около двух метров, была изловлена мною в летнем саду богдоханского дворца в Пекине, к ужасу монголов и китайцев, руками; на их глазах я сначала извлек ее длинным шестом из пруда, в котором змея плавала, красиво выделяясь в прозрачной воде, на солнце, а затем поймал ее на мраморном полу. Когда я

выходил из сада с моим приятелем профессором А. И. Ивановым, китайцы-привратники хотели было заглянуть в узел, в котором я скрыл мою пленницу, но, увидев в нем ее большую голову, со страхом разбежались в стороны, махая мне руками в знак того, чтобы я скорее удалился по направлению к автомобилю. Впоследствии монголы рассказывали с прикрасами о моем „подвиге“, называя меня богатырем и заклинателем змей.

Но бывали и другие случаи, кончавшиеся иногда очень печально, но к счастью благополучно сходившие участникам экспедиции. В Монгольском Алтае орнитолог экспедиции Е. В. Козлова во время раскапывания норки грызуна была в течение одной минуты дважды укушена ядовитой змеей, *Ancistrodon halys*, сначала в палец правой руки, затем в палец левой руки. Узнав о несчастье, монголки быстро принесли несколько деревянных посуды с кислым молоком, в которое страдавшую от ужаления заставили опустить руки. Это исцелило путешественницу, проболевшую, однако, около месяца.

После того, как монголы еще в недавнее время старались противиться вашим намерениям видеть то или иное по части памятников или естественных богатств страны, когда они так недоверчиво смотрели на вас как на нарушителя заветов предков, стараясь, как можно скорее, сплавить вас из своих мест, когда они, таким образом, выводили исследователя из себя — вам странным кажется, что те же обитатели долин и гор Монголии теперь вызываются показать путешественнику все, что его интересует. Это обстоятельство приятно удивляет вас.

Ныне, при новом управлении, в Монголии имеются школы, в которых дети получают необходимые знания. Просвещение монголов послужит лучшим средством для сближения их с народами Запада.

В конце июля я проводил первый отряд экспедиции, во главе с моим старшим помощником С. А. Глаголевым, которого сопровождали в качестве сотрудииков К. К. Даниленко, А. Д. Симуков, Н. В. Пржевальский, Филипп Вторушин, переводчик монгольского языка Ринчин Аюшеев и проводники и подводчики. Багаж моих спутников шел на монгольских телегах с быками, а сами они ехали верхом на лошадях, в казачьих седлах. Моим спутникам было поручено следовать на юг и пересечь Монголию в меридианальном направлении, между маршрутами Н. М. Пржевальского и моими, вплоть до Монгольского Алтая.

От восточного крыла последнего, отряду Глаголева удалось направиться на запад-юго-запад, по старинной, никем из исследователей еще не посещенной „торгоутской“ дороге, проложенной из Китая в низовье Эцзин-гола, и посетить Хара-хото. При пересечении Центральной Гоби, отряд счастливо вступил на древнюю историческую дорогу, проложенную руками людей, подвластных владетелю города Хара-хото в дни кипучей жизни города и оазиса, протянувшуюся на сотни километров от Хара-хото до китайской низменности. Дорога эта до сих пор, местами, сохраняет вид

искусственной насыпи и отчетливо выделяется наблюдателю, едущему сбоку. Не имея на руках открытого листа китайского правительства, члены экспедиции пробыли, на первый раз, в Хара-хото очень короткое время, и, собрав некоторый археологический материал, отошли к северо-востоку в горы Ноин-богдо, где приступили к детальному естественно-историческому исследованию этой местности.

1 августа 1925 г. западная партия Монголо-Тибетской экспедиции, во главе со мною выступила из Улан-Батор-хото к юго-западу, вниз по долине Толы. Со мною следовали: старшая моя помощница, орнитолог экспедиции Е. В. Козлова, затем младшие сотрудники: В. А. Гусев, В. М. Канаев (препаратор), переводчик Ганчжуров, проводники и подводчики. На пространстве первых 60 верст, до кумирни Баиртэ, характер этой долины ни чем не отличается от ближайших окрестностей Урги, урочища Сангин и др. Река несколькими мощными рукавами катит свои воды среди густых древесных и кустарниковых зарослей, преобладающими формами коих являются: ива, тополь, черемуха, яблоня, боярышник и проч.

Ширина долины колеблется от 1 до 3 верст. Мягкие холмы, отроги береговых хребтов, отступивших на значительное расстояние от реки, местами сменяются сланцевыми выходами, вздымающимися над самой водой. В этих обрывистых скалах, в трещинах среди камней, находили свое дневное убежище филины, прилетавшие иногда по ночам в соседство нашего лагеря. Болота были оживлены выводками красивых бледносерых гусей-лебедей. Над лугами, пестревшими последними осенними цветами, носились бабочки, шмели и разнообразные пестрые мухи, во множестве поступавшие каждый день в нашу энтомологическую коллекцию. Работы было много. Мы выступали до зари, совершали длительный шести-семи-часовой переход, во время которого велась бусольная съемка местности, и останавливались в каком-нибудь привольном месте около воды, где и разбивали бивак. Наскоро напившись чаю, все тотчас направлялись на экскурсии—кто с ружьем для добычи птиц и грызунов, кто с сачком, кто с ботанической сеткой. К вечеру приступали к препарированию добытого, а с наступлением темноты, вблизи развернутого белого экрана, а то и просто белой палатки, зажигался ацетиленовый фонарь с рефлектором, на свет которого до поздних часов летели ночные бабочки, особенно интересовавшие ревностных энтомологов. Для сна оставалось несколько часов, но зато он был крепок и наступал тотчас, как только человек принимал горизонтальное положение.

Несколькими верстами ниже Баиртэ-догына, кустарниковая растительность заканчивается, и расширившейся долиной реки начинает завладевать степь. Наша большая дорога то поднимается на плоскую вершину лугового увала, с которой открывается широкая даль, то спускается на дно низин или котловин с озерами, родниками или колодцами, питающими кочевников и их стада, пасущиеся на привольных пастбищах. Иногда

дорога оживлена медленно идущими караванами или легкими пестрыми кавалькадами, быстро мчащимися на сытых, крепких монгольских лошадях.

Там и сям гарцуют или, замерев, стоят на месте охотники на тарабаганов, или сурков. Забавны бывают приемы таких номадов, обманывающих любопытных грызунов. Завидя сидящего у норы сурка, охотник быстро припадает к земле и поднимает над головою небольшую кисть из темных сарлочьих или конских волос, прикрепленных к рукоятке. Этой кистью он делает порывистые движения, соответствующие подергиванию хвоста, которым, как известно, сурок сопровождает свой крик. Животное, заинтересованное странным предметом, напряженно следит за ним и легко подпускает к себе охотника на расстояние выстрела. Цена на мех грызуна ныне поднялась до двух рублей золотом. Принимая во внимание, что ежедневно можно добыть три-четыре экземпляра на человека, станет понятным увлечение охотой на тарабаганов всех охотников. Не имеющие ружей монголы откапывают зверьков обыкновенными лопатами, но, конечно, этот способ тяжел физически и вознаграждается меньшим успехом.

7 августа экспедиция прибыла на извилину, на место крутого поворота реки Тола на северо-запад, в урочище Улхуин-булун, где вблизи нежилых деревянных построек, охраняемых старым ламою-монголом с огромными монгольскими собаками, и разбили бивак. Здесь экспедиция остановилась на более продолжительный срок; предстояло разыскать некоторые памятники древности, о которых мы слышали еще в Урге. Монголы, встречавшиеся на нашем пути одинокими семьями, почему-то боялись дать указания или, вернее, не знали об этих исторических памятниках, а потому нам надо было найти их собственными силами.

Урочище Улхуин-булун оказалось очень интересным для нас во всех отношениях: река Тола разбивалась здесь на несколько рукавов, которые, вероятно, в давно прошедшие времена несли много воды, теперь же совсем заросли болотными растениями и текли едва заметно, тихо. Местами эти старицы расширялись в порядочные озерки, окаймленные камышом. Множество куликов бегало по глинистым берегам отдельных луж воды, на озерах держались разнообразные утки, гуси, а около камышей постоянно стояли и медленно расхаживали степенные серые цапли. В кочковатых болотах бекасы трех различных видов поднимались иногда по несколько сразу, и для наших охотников наступила страдная пора. Во время вечерней зари бывала самая интересная охота на стойках, когда гуси во множестве тянули, вереница за вереницей, с открытых быстрых вод Тола на ночлег, в тихие уголки озерков на старицах.

Вблизи юго-восточных гор залегли обширные массы тончайшего песка, расположившегося здесь высокими безжизненными дюнами и занимавшего площадь около восьми квадратных километров. Эти пески привлекали наше особенное внимание; они, казалось, скрывали под своим сыпучим покровом разыскиваемые нами древние могилы.

Много раз мы экскурсировали к ним, со вниманием всматривались в очертания красивых барханов, разделенных между собою глубокими воронками, но толща песка залегала от пятнадцати до двадцати метров в высоту, и кроме одиноких кустов пустынной ивы, далеко простиравшей свои жаждущие влаги корни по поверхности песка, и быстрых ящериц, шмыгавших по раскаленной поверхности из стороны в сторону, — взгляд не улавливал ничего. Только через несколько дней, во время экскурсии, один из наших охотников отметил в боковой долине, простиравшейся к югу, за озером с камышами, два небольших возвышения, в роде курганов.

Отправившись тотчас на осмотр этих памятников древности, я обнаружил вблизи них каменный предмет, едва торчавший из-под земли. Быстрые рекогносцировочные работы обнаружили огромных размеров гранитную черепаху, весом более полуторы тонны. Панцырь ее был украшен правильными шестигранниками, и на боках выделялись, с одной стороны, — высеченный рисунок змеи, с другой, — фигура стилизованного козла, с ромбовидной головой. Невдалеке, около курганов, стояли и лежали разбитые каменные фигуры людей. Это и была та Тукюэсская, или турецкая, могила, которую мы разыскивали.

Подъемный материал и пробные раскопки курганов дали нам много интересных образцов керамики с орнаментом и без такового. С этого древнего могильника в долине реки Толы начались наши успешные работы по открытию и регистрации памятников старины, которые не прекращались до самого прибытия экспедиции в Южный Хангай.

В горах „Бичиктэ-дулан-хада“, или „Письмена теплых скал“, экспедиция расположилась у отличного пустынного колодца и прожила здесь целую неделю, заглядывая во все уголки, во все сложные складки этих гор. В целом массив Бичиктэ-дулан-хада сильно напоминает такой массив, расположенный на пути из Урги в Калган и известный под именем Чойрэн, с телеграфной станцией этого же названия. Как тот, так и другой высоко поднимают свои вершины и издалека манят к себе путника; и тот, и другой сложены из гранитов, представляющих лабиринт ущелий, теснин, отвесно ниспадающих утесов, скал, лепящихся уступами в живописном беспорядке и уходящих остриями гребней в голубую высь.

У местных кочевников существуют интересные предания относительно тех и других гор, а также рассказы по поводу большого богатства, хранящегося в их глубоких пещерах, провалах и расщелинах. На одну из таких пещер в Бичиктэ мне указывали и на ухо шептали: „Много смельчаков отправилось туда, но никто из них не вернулся: в глубине пещеры, в одном из тесных проходов, невидимая рука срезает головы“.

На скалах Бичиктэ, на гладкой поверхности гранитов, мы нашли множество писаниц. Некоторые изображали горных козлов, или янгэр-яманов, изюбрей, зайцев. Другие походили на тукюэссские письма. Были также и определенно латинские буквы, не составлявшие, однако, никаких

удобопонятных слов ни на одном европейском языке. В одном месте мое внимание привлек рисунок человеческой левой руки, ладонью кверху, исполненный непонятным для меня способом какими-то тонкими белыми жилками, как бы включенными в состав хранящей их основной породы. Под этим рисунком таким же способом начертана латинская буква „А“. У подножья Бичиктэ, на пространстве до пяти верст, расположено свыше семидесяти кэрэксуров, самой разнообразной величины, принадлежащих к трем типам могильников: прямоугольные кэрэксурсы с кучками мелких камней в центре и по углам, круглые кэрэксурсы и так называемые „плиточные могилы“.

С юго-востока к Бичиктэ примыкал хребет левого берега Толы, с высокой вершиной Унчжунь, от которой река отошла на значительное расстояние в своем повороте на северо-запад.

За Бичиктэ, в западно-юго-западном направлении залегает волнистая степь; соседние темно-скалистые цепи гор, с доминирующим Хайрханом включительно, постепенно отходят к северу. В полуденную сторону поперечные горные гряды мельчают, и лишь на отдаленном крае этого горизонта вновь поднимаются темным валом горы Наримтэн-ула. Это — вдали, тогда как вблизи, у южного подножья Хайрхана, путник отмечает ряд кэрэксуров — каменных могил или насыпей, окаймленных то квадратным, то округлым кольцом из камней в виде правильных фигур со включением каменных гирлянд, разбросанных по углам могил или вдоль их общих очертаний.

На вершине перевала Судж и на всем переходе, приведшем нас в котловину озер Тухум-нор, ярко блестевших на солнце белыми солеными поверхностями, с монастырем того же названия, мы наблюдали много змей, принадлежащих к двум видам: обыкновенному в Монголии *Ancistrodon halys* и довольно редкому здесь *Zamenis spinalis* — тонкому, с красивыми коричневыми полосами вдоль всей длины животного, которых и изловили в нужном для коллекции количестве экземпляров.

Из горных пород по дороге из Бичиктэ, между прочим, обнаружена красивая темно-красная или бурая со светлыми прожилками яшма. В поделках, с подобающим шлифом эта яшма должна представлять известную привлекательность.

Во впадине Тухум-нор я коснулся маршрута моего предыдущего путешествия „Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото“, поэтому на описании озер и монастыря при них я не останавливаюсь. Скажу лишь, что в долине этой, на всем ее протяжении, ютилось много грызунов, норками которых местами сплошь была продырявлена земля. Обилием пищух объясняется большое скопление здесь крылатых хищников: сарычей, соколов и даже орлов; последние, впрочем, предпочитают охотиться за более крупными животными — сусликами. Показались, наконец, и антилопы, *Gazella gutturosa*, а из птиц — пустынные рябки, или бульдуру, с шумом бури пролетавшие через наш караван. И антилопы и бульдуру, *Syrrhaptes paradoxus*,

являются типичными представителями животных форм в Монголии. Тут же мы наблюдали впервые и верблюдов, пасшихся на их любимых солончаковых угодьях. Юрты кочевников группами виднелись всюду кругом, подле колодцев.

За долиной Тухум-нор наш путь проходил по степной полосе с оврагами или ложбинами, в которых имелись родниковые воды, где по соседству с монгольскими стадами скота отдыхали пролетные пернатые, обогащавшие орнитологические сборы экспедиции. По мере приближения к горам Наримтэн-ула, на нашем пути, чаще залегали оригинальные матрасовидные, нередко причудливые по своим формам серые граниты, и вновь — памятники погребений в виде каменных столбов, кэрэксуров и т. п.

Наконец, и луговой, весьма пологий перевал Наримтэн-котул, открывший нам вид на долину Мишик-гун и следующую поперечную цепь гор Тармцик. Погода стояла чисто осенняя — сухая и тихая; по ночам были незначительные морозы, но днем, на солнце, прозрачный воздух значительно прогревался и открывал широкие дали. Зори были красочные, ночное небо ярко-звездное.

В долине Мишик-гун, при колодце Нарини-худук, в соседстве небольшого озера, с одной стороны, и торгового отделения Монгольского кооператива, с другой, экспедиция расположилась лагерем более недели. Благодаря соотечественникам, везде в Монголии предусмотрительно относящимся к экспедиции, в частности, благодаря П. П. Бармину и рекомендованному им проводнику Вачиру, мне удалось найти на юго-востоке от Мишик-гун, в уроч. Доут-нор, среди моря серо-розовых рыхлых крупнозернистых гранитов, любопытный острововидный выход темных диабазовых скал, с отшлифованной бурями блестящей поверхностью. На этих скалах умелый художник-резчик картинно выгравировал две большие монгольские надписи, письма, начертал животных, растения и т. п. Имеются также письма на тибетском и китайском языках.

Меня больше всего привлекли к себе художественным видом, своей тонкой гравировкой писмен две скалы с семнадцатью и восемью вертикальными строками. Монгольские письма заключают в себе несколько мыслей, высказанных некогда известным борцом за староверческое, или красношапочное, учение Цокто-тайчжи. Будучи далеко за пределами своего хошуна вследствие религиозной борьбы, он сильно тосковал о своей любимой сестре, оставшейся на реке Ононе, и в сердечной печали предавался философским размышлениям, которые были записаны, а потом и выгравированы его последователями на темных диабазовых скалах, похожих на „драгоценную“ медь.

Ученый секретарь Монгольского Ученого Комитета Ц. Ж. Жамцарано, по нашей просьбе, сделал предварительный перевод монгольской надписи сначала большой с семнадцатью строками, а потом и малой — с восемью строками монгольских писмен.

Первая надпись гласит:

„В год белой курицы, 1624 г., первой осенней луны, 21-го числа Цокто-тайчжи, охотясь в северных горах Цэцэрлика Хангай-хана, на своем бронированном коне — Хумку-халтыре, поднялся на вершину, посмотрел на восток и, очень опечалившись сердцем, тоскуя о своей старшей сестре Калготе, произнес сии слова и заплакал:

„— Хотя и есть разница между местопребыванием Тэнгэри-хана наверху и великими святыми на земле, но в своем счастье и любви, в смысле милосердия, — они одинаковы.

„Хотя и есть разница в местонахождении бодисатв — последователей Будды — в пещерах Агиниста (рай) и пребывающих на золотой земле людей, имеющих сердце Боди, но в деле милосердия и сострадания — они одинаковы.

„Хотя и есть разница между законами и порядком добрых тушемилов — министров великих ханов — на земле и судилищем Эрлик-хана в потустороннем мире, но в суждении о правде и неправде — они одинаковы.

„Хотя и есть разница между местонахождением и телом человека, тщетно ищущим себе пропитания, и хищным зверем, бродящим по горам и лесам, но в убийстве и удовлетворении голода — они одинаковы.

„Хотя и есть внешняя разница между человеком, воруящим чужое вблизи и вдали, и волком, бродящим вокруг двора и высматривающим добычу, но в своем стремлении к еде — они одинаковы.

„Хотя велико расстояние между Халхой и Огнютской землей, хотя и далека моя сестра Калгота на реке Ононе от меня, больного сердцем кочевника на Орхоне и Толе, но во взаимной тоске и любви — мы одинаковы.

„Если даже мы и не увидимся в этой жизни, то в будущей, в каждом перерождении мы будем помогать друг другу во всех делах, подобно тому, как нежная мать помогает своему ребенку.

„Сии слова, произнесенные с горькими слезами, запомнил, сопровождавший Цокто-тайчжи, Ирхэ и записал в книгу. Через четыре года, в год Мыши, 18-го числа первой луны, свитские Дайчэн-хя и Хуэн-баттор выгравировали слова его на скале“.

Малая надпись на соседней скале содержит восемь строк и гласит:

„Поклоняюсь бурханам: Самандабадри, Аминдева и Шигемуни.

„Поклоняюсь Хэ-ваджре, Дакини Эхэ и Бадзар-бани!

„Поклоняюсь высшему Тэнгрию, хану и ханше и всем благодающим людям.

„Ом-мани-падмэ-хум (шесть раз).

„По указу Джалайрского Цокто-тайчжи, внука хана, в поколении Чингис-хана, — Дайчэн-хя и Хуэн-баттор, вдвоем, по случаю Хутухту-хана, по прошествии с рождения Чингис-хана года водяного коня — 464 года, в год деревянной мыши, начинающий цикл, и великий белый день 15-го числа месяца огненного барса, начинающего месяцы, на скале, подобной драгоценному нефриту, написали“.

Затем, по-санскритски и по-тибетски написана священная формула: „Ом-мани-падмэ-хум!“ — „О, ты, сокровище на лотосе!“. А по-монгольски: „Написал младший брат Дайчэн-хя“.¹

По свидетельству монголиста проф. Б. Я. Владимирцова, эти надписи, в особенности первая, большая, как ценнейший памятник монгольской старины являются единственными в своем роде.

Пребывание экспедиции в Мишик-гуне совпало со временем пролета мелких куликов и водоплавающих, так что ежедневные экскурсии на пресное озерко давали много форм для нашей орнитологической коллекции. По ночам, над нашим биваком пролетали стаи индийских гусей и больших серых журавлей. Крупные гуси-лебеди летели небольшими группами, не более пяти-шести особей.

От Мишик-гуна наш маршрут временно изменил своему первоначальному юго-западному направлению и взял курс на северо-запад, к озеру Олун-нор, оттуда вновь стал постепенно склоняться к юго-западу, на озеро Сангин-далай, и дальше до водораздельного хребта Хангай. В течение первых дней мы пересекли несколько широких долин, простиравшихся на северо-восток и интересных тем, что в своих низких частях они образовали скопления солоноватой и соленой воды в виде больших и малых озер. На каждом озере мы встречали большие стаи пролетных птиц, которые очень мало боялись нас, так как привыкли к мирному отношению со стороны монголов, никогда не убивающих крылатых странников. Таким образом, нам удалось добыть немало интересных видов в нашу орнитологическую коллекцию.

Исследование солоноватых бассейнов, лежавших на нашем пути, показало в значительной мере наличие процессов их усыхания, с одной стороны, с другой же, что в них совершенно отсутствуют рыбы, но зато ракообразные живут в илистом дне в большом количестве. На озере Олун-нор, впервые за эту экспедицию, была спущена наша брезентная лодка, с помощью которой удалось сделать промеры дна, а также произвести драгировку.

Описываемое озеро протянулось с северо-северо-востока на юго-юго-запад узким продолговатым бассейном, около трех верст в окружности,

¹ Об этих надписях на скалах см. статью Б. Я. Владимирцова с двумя фототипическими таблицами в Известиях Академии Наук СССР, 1926, № 13—14, 1927, № 3—4. На стр. 1254, между прочим, читаем: „По сообщению П. К. Козлова эти надписи находятся у массива Бичигте дула хада, недалеко от озера Тухум-нур“... Я писал на страницах периодической печати и читал (на лекциях): к юго-востоку от монастыря Мишик-гун-курэ, среди моря серых рыхлых гранитов, выступают темные диабазовые скалы с письменами и рисунками. Мне лично удалось снять их фотографически на шести пластинках. Осенью 1925 года я выслал эти снимки в Географическое Общество и Академию Наук вместе с фотографиями со скал с рисунками Бичиктэ-дулан-хада. Эти последние скалы с массивом отстоят на далеком расстоянии к северу от диабазовых скал с письменами при озере Доуг-нор.

посреди широкой долины, по дну которой бежит маленькая, быстрая и очень прозрачная речка Хайя-гол. Озеро отстоит к западу от Хайя-гола и принимает в себя только два маленьких ручья, бегущих из соседнего болота, с юга. Берега Олон-нора, по большей части, песчаные плоские, и только юго-западная узкая часть их заболочена. Рельеф дна весьма однообразен: максимальная глубина — пять футов — в юго-западной части озера, где берега образуют нечто в роде небольшого залива. Здесь дно илистое, богатое донной флорой и фауной, среди которой больше всего найдено ракообразных — гаммарид. Глубина по продольной оси озера почти везде одинакова — два-три фута, дно песчаное, твердое, ни рыб, ни ракообразных не обнаружено. Вода Олон-нора слегка мутная и горьковатая на вкус. Пользоваться ею для варки пищи можно, но чай на озерной воде довольно невкусен. Наши караванные животные пили воду очень охотно, а большой табун лошадей ежедневно пригонялся к озеру на водопой.

Местность, залегающая между озером Олон-нор и монастырем Далай-гун, носит чрезвычайно бледный и однообразный характер. Путешественник пересекает целый ряд мягких холмов, сменяющихся степными долинами, уходящими на север. Изредка встречаются маленькие речки. За исключением неизменных тарабаганов, сусликов и более мелких грызунов, а из птиц — жаворонков и шпорцевых коньков, можно увидеть разве только степного орла, парящего вблизи пологого перевала, или луня, летающего над болотцем, у ключа, — вот все, что сохраняется в памяти от этого пути.

Только вблизи монастыря Далай-гун глаз временно, с удовольствием, останавливается на массиве с плоской скалистой вершиной Хайрхан, вздымающейся на далеком юге и по северному склону укрытой лиственничными лесами. Этот массив замыкает с юга неширокую долину речки Харачолутэн-гол. Хайрхан был для нас первым вестником Хангая и его лесов, с которыми мы расстались в Кэнтэе.

Монастырь Далай-гун-курэ, как и все другие на нашем пути — исповедует учение Цзонхавы. Некогда богатый и многолюдный, ныне беден и средствами и числом лам, сократившихся на половину и оставивших свои домики пустыми.

В 15 верстах к юго-западу от Далай-гуна, мы остановились в долине Цзэгэстэ, берущей начало из ближайшего озера Сангин-далай-нор. По берегам речки так же, как и по вершинам и скатам береговых степных увалов, мною отмечены многочисленные кэрэксур, достигающие здесь очень больших размеров. У самого подножья гор правого берега Цзэгэстэ расположены небольшие погребения, типа „плиточных могил“. Один кэрэксур, напоминающий могильники „с вогнутыми краями“, был вскрыт нами и обнаружил на глубине одного метра скелет человека, прикрытый большой плоской каменной плитой. От черепа сохранилась одна только нижняя челюсть. Повидимому, могила была потревожена грызунами. Кроме костей найдены бусы, рядом с покойником.

Высокий массив Дулан-ула отстоял от нашего лагеря на речке Цзэгэстэ к западо-северо-западу и простирался в северо-восточном — юго-западном направлении. Южный склон этих гор богат травянистыми пышными пастбищами, северный покрыт лиственницей. Характерной особенностью Дулан-ула являются стенообразные гранитные выходы, иногда простирающиеся вдоль главного и второстепенных гребней на большие расстояния. В целом, описываемый массив очень красив: лиственничный лес и красные утесы, ниспадающие отвесными стенами, дикие скалы со столбовидными отдельностями, — все это сливается в одну стройную гармонию. Экскурсия в лиственничные леса гор Дулан-ула обнаружила присутствие необыкновенно большого количества корольков, *Regulus regulus*, совершенно отсутствующих в Кэнтэе, и красивой завирушки, *Accentor collaris*, держащейся преимущественно в оголенных скалах этого оригинального массива.

Озеро Сангин-далай-нор, где экспедиция остановилась на несколько дней — на конец сентября и начало октября, носит характер альпийского бассейна; оно протянулось с северо-востока на юго-запад и имеет около десяти верст в окружности. Вода его, пресная и довольно прозрачная, пополняется по всей вероятности из ключей, бьющих со дна озера. Довольно большая речка Цзэгэстэ берет из него начало и образует около озера топкие болота. У истоков Цзэгэстэ стоит деревянная часовенка с изображением на камне красками божества — хранителя вод.

Первое, что путники услышали на Сангин-далай-нор, было печальное перекликанье шестнадцати лебедей, которые плавали двумя отдельными семьями; серые, вполне оперившиеся птенцы резко отличались от снежно-белых родителей. На узком мысе сидело множество бакланов, которые поднялись в воздух оригинальной черной стаей. Крачки и чайки неторопливым полетом скользили над синей поверхностью воды и занимались ловлей рыбы. Спустив экспедиционную брезентную лодку, мы поплыли на противоположный берег озера и только тогда обнаружили всю массу птиц, остановившихся здесь на отдых. Поднявшиеся утки и гуси были похожи на быстродвигающееся серое облако, затемнявшее синеву неба. Наш маленький невод сослужил нам прекрасную службу, и мы не только поймали представителей ихтиологической фауны для своих спиртовых коллекций, но и несколько раз ели прекрасную уху.

Делая промеры дна (средняя глубина — от двух до четырех футов, дно — песчаное, а местами илистое, покрытое водорослями), и занимаясь драгировкой донной фауны, мы много времени проводили на поверхности воды, к великому удивлению монголов, которые в ближайших долинах пасли табуны лошадей и стада баранов. Местное население вообще относилось к экспедиции весьма доброжелательно; монголы с большим интересом знакомились с нашими печатными географическими картами и со съемкой нашего пути, где их радовало наличие хорошо известных им названий гор и урочищ. Фотографические снимки страны приводили их в восхищение, и на наши вопросы об исторических памятниках, может-быть скрытых

где-нибудь поблизости, они уже не отвечали косным молчанием, как в прежние годы, а охотно делились с нами своими сведениями.

Путь от Сангин-далай-нор, мимо Ильдэль-бэйлэ-курэ к подножью Хангая проходит по пересеченной местности. Северные склоны падей долины реки Горхон-гол покрыты густыми лиственничными лесами. Перевал Цаган-дабан, над которым поднимается вершина Начимбыуэ, имеет вид каменистого плато.

Местами высятся отдельные выветрелые гранитные скалы, похожие на башни разнообразной формы. Как на самом перевале, так и по долине, известной под названием Сахьэта и протянувшейся до реки Онгиин-гол, мы отметили очень большое количество прямоугольных и круглых кэрэксуров. Около поворота реки Онгиин-гол на юго-восток, против вершины Хара-хошу, расположена новая группа кэрэксуров, а несколько в стороне от них стоят три больших четырехугольных плиты, в роде саркофагов.

По скалам левого берега реки в нескольких местах замечены надписи и рисунки, сделанные черной краской. Большая часть писемен походит на старо-монгольский шрифт. Есть также большие китайские надписи, а рисунки изображают сидящего Будду, голову человека с длинной бородой, держащего во рту странный предмет на длинном шесте, маленькую кумирню и проч. К сожалению, в виду бледности рисунков и надписей, фотографии их вышли неудачно, и только небольшую часть их удалось скопировать.

Едва ли есть еще страна, которая имела бы на поверхности земли и в своих недрах так много памятников многообразных культур. Древние народы, населявшие Северную Монголию, главным образом, ее широкие речные артерии—Хару, Толу и, наконец, Орхон—стремились каждый по своему увековечить себя, оставить по себе память. И теперь, в самых пустынных местах, вблизи пересохших русел, когда-то, должно-быть, обильных водою, в безлюдьи и тишине, путешественнику молча повествуют о былом таинственные странные надписи на скалах, непонятные рисунки, высеченные на отдельных камнях, и, наконец, безчисленные могильники, то выложенные камнями, то украшенные статуями, то обелисками; надо только суметь прочесть всю эту летопись, чтобы восстановить историю исчезнувших народов.

По определению специалистов, некоторые могилы, лежащие в долине реки Толы и других местах, так называемые плиточные (обставленные обтесанными сланцевыми или гранитными плитами, стоящими на ребре), относятся к концу бронзового века и началу железного века, иначе говоря—ко времени не позднее середины первого тысячелетия до начала нашего летосчисления. К этой же доисторической эпохе относятся и принадлежат какому-то неизвестному и, по всей вероятности, оседлому народу некоторые весьма редко встречающиеся здесь писаницы на скалах. Кэрэксурсы, располагающиеся часто вдоль речных долин непрерывной чередой, на расстоянии восьми-десяти километров (как, например, на истоках

реки Онгиин-гол), представляют собой намогильные памятники, обложенные по периферии камнями, в форме прямоугольника или окружности. В центре кэрэкура возвышается бóльших или меньших размеров холмик из сложенных камней. Эти могилы, украшающие словно тонким, светлым узором все видные издалика пологие горные, преимущественно южные, склоны и многие речные долины, принадлежат вымершему кочевому народу, жившему уже в историческое время, приблизительно в IV — V вв. нашей эры.

Третий тип могил, самых красивых, с большими каменными статуями и фигурами животных, с дорожкой из каменных плит, вытянутых в строгую прямую линию и ведущих к ним издалика, как бы указывая путь, относится к еще более позднему времени — к VII — VIII вв. нашей эры. Этому же народу, должно-быть, принадлежит большинство рисунков и надписей, виденных нами на скалах в разных местах, главным образом, на склонах массива Бичиктэ-дулан-хада, в тридцати километрах к юго-западу от урочища Улхуин-булун, — места крутой излучины или крутого поворота на северо-запад реки Толы.

Есть еще два вида древних памятников, открытых нами на истоках реки Онгиин-гол и верховьях Орхона: это — большие плиты и обелиски. Каменная плита, лежащая на Тукюэсской, или на турецкой, княжеской могиле вблизи истоков Онгиин-гол, имеет к ней весьма определенное отношение и представляет очень большой интерес своей сложной орнаментацией, несомненно турецкого стиля, покрывающей ее сплошным ковром. Могилы древних народов, населявших Монголию, заслуживают самого внимательного изучения. Четырехгранные обелиски, найденные экспедицией в бассейне Орхона, стоят, обычно, одиноко, в равнине или на холмах, и украшены оригинальным орнаментом, в котором можно разобрать лишь отдельные детали — фигуру и голову змеи и головку какого-то странного животного с рожками.

Каменные бабы в долине Онгиин-гол, в верхнем течении, также очень любопытны: одна из них, под названием „Цаган-ушхай“ („Добрая старуха“), чтится как святыня в одной буддийской часовне, на ряду с иконописью. Другая серая каменная баба, с кличкою „Хара-ушхай“ („Злая старуха“), находилась среди степи. Монголы уверяют, что стоит только кому-либо из людей дотронуться рукою до Хара-ушхай, как тотчас разразится сильная буря на горе скотоводам. Этот памятник находится теперь на изучении в Ленинграде.

Интересно подчеркнуть, что все эти памятники древности Монголии не являются отдельными этапами в постепенном развитии культуры и искусства одного народа, а, несомненно, принадлежат совершенно различным племенам, не имевшим между собою ничего общего. Каждое позднее жившее племя, по всей вероятности, не знало о существовании своих предшественников, разве только догадываясь о них по оставшимся памятникам их культуры.

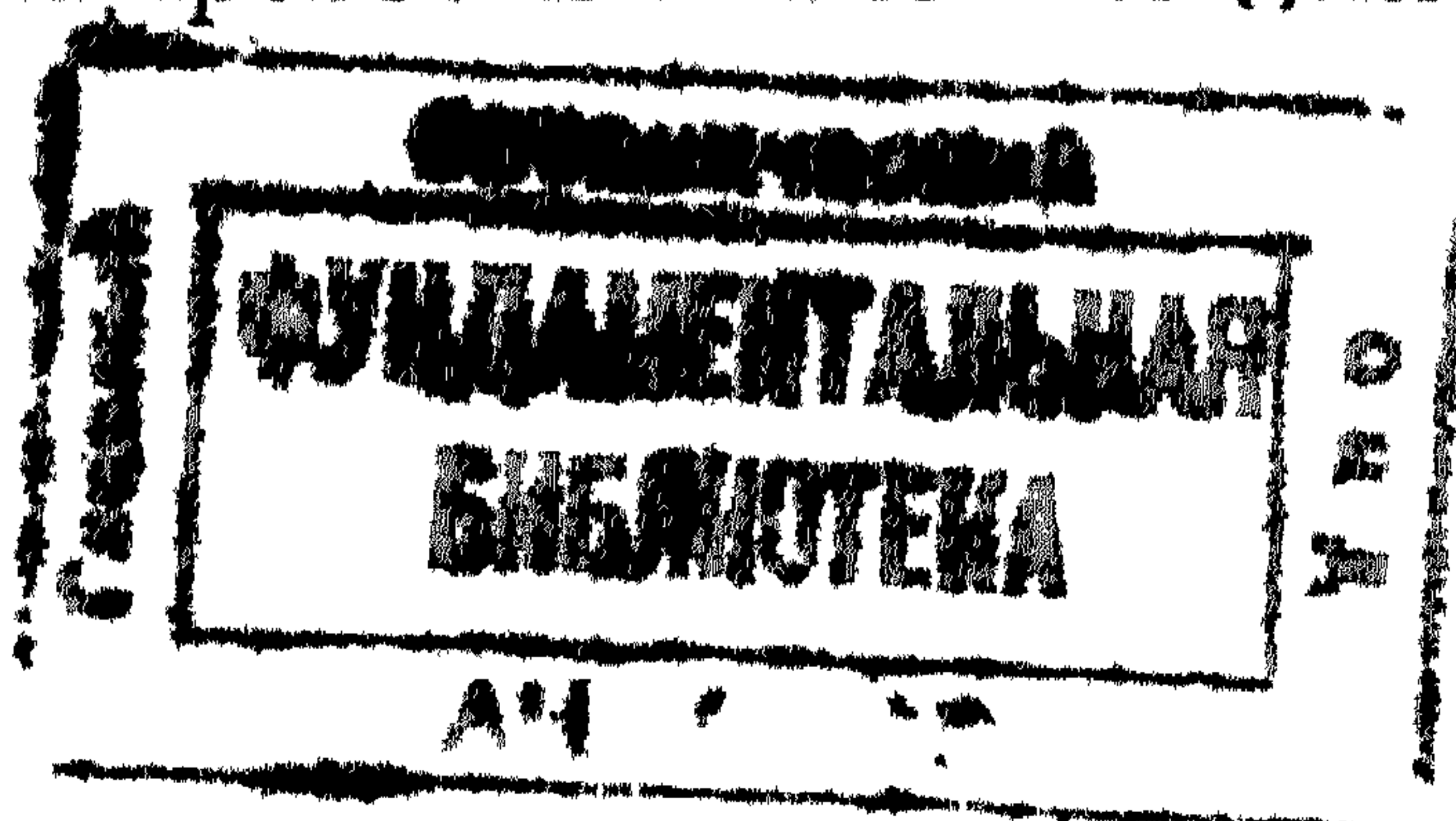
Мы не знаем, как современное население Монголии увековечит себя (если не считать построек храмов, субурганов); кочуя всю свою жизнь, не имея никакого недвижимого имущества, современные обитатели Монголии обладают лишь очень немногими предметами, характеризующими их собственное народное искусство и быт. Среди таких предметов можно назвать: женские головные серебряные украшения, металлические ладанки с изображением какого-нибудь святого, которые носят на груди, и принадлежности мужского обихода — нож в футляре с металлическими насечками, огниво и табакерка с нюхательным табаком, обыкновенно китайской работы, с которой монгол никогда не расстается. Но, не имея всю жизнь постоянного местожительства, монголы и после смерти развеивают прах свой по земле и по ветру. Они не сооружают никаких могильников и бросают трупы в степях или на горах, иногда даже у края горной дороги, на съедение зверям и птицам. Таким образом, и те немногие предметы, которые можно считать монгольскими, после смерти владельца также не сохраняются в каком-либо определенном месте, а передаются из рук в руки.

10478
Единственное, богатое, самобытное и разнообразное монгольское творчество, выражающееся в оригинальных, тягучих, мечтательных и нежных степных песнях, замолкнет и замрет вместе с самим народом, если до тех пор не будет изучено и записано. Таким образом, когда современное племя монголов угаснет, после него на вечные времена останутся разве только бронзовые изображения буддийских святых и всякие предметы, употребляемые при богослужениях (большею частью тибетского типа), которые будущие исследователи будут находить в развалинах больших монастырей. Писанные образа и священные книги могут истлеть, так как нужно слишком счастливое стечение обстоятельств, чтобы бумага и шелковые ткани уцелели хотя бы на несколько сот лет, как это случилось с библиотекой открытого мною мертвого города Хара-хото.

По всему раздолью широких степей и гор, на всех больших и малых вершинах и перевалах археологи будущего увидят различной формы каменные груды, так называемые обо, а также иногда высеченные на скалах надписи известной священной формулы на тибетском языке: „Ом-мани-падмэ-хум“, что в переводе значит: „О, ты, сокровище на лотосе!“.

Береговые высоты Онгиин-гола крайне пустынно. Скучная растительность альпийского луга покрывает мягкие склоны гор, а у скалистых вершин видишь только полынь и редкие кустики миндаля. Из птиц наблюдались каменные голуби, горные завирушки и филины, издававшие по вечерам и ночам свой одинокий унылый крик.

10 октября, ясным солнечным утром, экспедиция впервые увидела богатые храмы и золоченые кровли большого, известного далеко за пределами своего хошуна, монастыря Сайн-ноин-курэ, в ближайших окрестностях которого нам предстояло провести самые холодные месяцы суровой

монгольской зимы. Монастырь широко раскинулся в долине Онгиин-гола, как многолюдный туземный город, и густое облако дыма синеватой тучей парило над ним, затемняя ясное небо. Из двадцати больших и малых храмов — тринадцать главных и семь второстепенных — особенно выдается своей оригинальной высокой постройкой новый западный храм Барун-дукан, или, иначе, Барун-гандан, который путешественнику кажется главным, доминирующим зданием. На самом же деле соборным храмом является скромный и строгий, тибетской архитектуры, белый Цокчэн-дукан. Вблизи него стоит Гандан-легчит со своей зеленой кровлей. В этом храме находятся изображения Цзонхавы, Богдо-гэгэна и ряд кумиров, или бурханов, божеств хранителей. Заслуживает особого упоминания храм-юрта, украшенный золоченым ганчжиром извне и большой, богатой ярко-желтой фигурой Богдо-гэгэна внутри этого круглого войлочного помещения.

Верстах в трех к юго-западу от Сайн-ноин-курэ, запрятана в складке высот усыпальница гэгэнов, ярко блестящая издали белыми субурганями. С севера и юга монастырь украшен старинными и новыми субурганями. Перед северным одиноким, самым нарядным субурганом устроен одинокий деревянный помост для совершения молящимися так называемых растяжных поклонов.

Старшим гэгэном-перерожденцем или хубилганом монастыря является брат покойного председателя совета министров Монголии, Сайн-ноин-хана, прах которого покоится в особой, очень нарядной часовне, расположенной на восточной окраине монастырских построек, на его собственном родовом участке, рядом с ханским белым храмом тибетской архитектуры. Другой младший брат хана состоит при Сайн-ноин-курэ в почетной должности да-ламы.

Множество лам — всего их в этом монастыре насчитывается до трех тысяч — в ярко-красных и желтых одеждах, с широкими полосами материи того же цвета, перекинутыми через левое плечо и правую руку, бродили за монастырской оградой. Некоторые останавливались у больших, цветистых хурдэ, чтобы привести их в движение, под свой басовой аккомпанимент: „Ом-мани-пад-мэ-хум“ . . . Другие шли за водой, иные собирали аргал — помет домашних животных, служащий в Монголии топливом, а иные просто беседовали между собою, сидя у дороги и греясь на солнце. На неизменных во всяком монгольском монастыре мусорных кучах лежали темной группой большие собаки, злобно и трусливо поглядывая друг на друга и часто вскакивая для того, чтобы отнять у более слабой голую кость или истерзанные остатки палого животного.

Вблизи монастырей обычно держится целая стая подобных, на половину одичалых и никому не принадлежащих собак. Ламы считают своим долгом поддерживать их существование скудными подачками, и я не раз видел, как нечто в роде небольшого пирога, разукрашенного ленточками и бумажками, выносится на площадь перед монастырем и отдается несчастным животным, которые за 1—1½ километра уже видят идущего с ношей

ламу и несутся со всех сторон с диким лаем, вступая на пути в отчаянную борьбу, как стая голодных волков.

Там и сям, под защитою монастыря, ютятся юрты бедняков-монголов, обслуживающих лам или шитьем одежд, или сбором аргала, или другими какими работами.

К северо-западу от монастыря Сайн-ноина, могучей стеной поднимается водораздельный хребет Хангая, который в это время, на главных вершинах, белеется снегом. Ближайшие возвышенности, а также и долина реки, по которой мы следовали вверх по течению, носила пустынный характер. Низкорослая степная растительность, оголенные скалы, тишина — все говорило за то, что здесь нельзя ожидать богатой и разнообразной животной жизни.

В долине мелькали одни лишь суслики, перелетали рогатые жаворонки, а из гор доносилось воркование голубей, да большой бурый гриф плавно парил в вышине. Темные ущелья Хангая, покрытые лиственничными лесами, еще издали казались чрезвычайно заманчивыми на фоне окружавшей нас однообразной картины. И в самом деле, в каждой пади водораздельного хребта бежит быстрый, прозрачный ручей. Множество второстепенных, по большей части теплых (температура их круглый год держится 15,5° С.) минеральных ключей впадают в эти ручьи, превращая их при выходе в долину, в порядочные речки, образующие впоследствии реку Онгин-гол. Густые урёмные заросли — тополь, ива и разнообразные кустарники — сопровождают течение ручьев и дают приют белым куропаткам и мелким птицам, из которых чаще всего видишь снегирей и веселых чечеток. По северным склонам гор, в лиственничных и кедровых лесах держатся козы, зайцы, белки и колонки — маленькие хищники с ярко-рыжей шерстью. В крупных валунах, бедных водою речных русел, часто видишь изящного горностая, который, убегая от человека, все-таки не может сдержать своего любопытства и выглядывает из каждой щели, неизменно попадая, таким образом, под выстрел охотника.

На высоком, оголенном гребне хребта, среди каменных россыпей, живут осторожные горные индейки-улары, пасущиеся небольшими стаиками и занимающиеся выкапыванием дикого лука — своего любимого лакомства. Вблизи вершин, на альпийских лугах держатся горные бараны-аргали, обладающие необыкновенно острым зрением и быстрым умом, делающим их совершенно непохожими на смиренных, домашних собратьев. В самых неприступных скалах можно встретить горных козлов, умеющих прыгать по страшным обрывам и острым утесам, едва касаясь поверхности их своими сильными, упругими ногами.

Описываемый хребет носит все характерные следы минувшего оледенения. При устьях его глубоких падей нагромождены морены, как недвижимый каменный поток. Под самым гребнем, в вершинах ущелий синеют альпийские округлые озерки ледникового происхождения. Местами скалы горных склонов, в более узких частях долин, сглажены и отполированы

проходившими льдами. Вблизи одной из морен, рядом с брызжущим из земли прозрачным источником, экспедиция разбила свой зимний лагерь. Веселой группой сбежались к нам со всех сторон ближайšie соседи-монголы, посмотреть на незнакомых гостей.

От монголов, с которыми у нас сразу установились наилучшие отношения, мы узнали, что истоки Онгин-гола довольно бедны пастбищами, а поэтому туземное население почти совсем не держит рогатого скота и лошадей, предпочитая им домашних яков, или сарлоков, как их здесь называют. Это животное, с очень длинной шерстью, висющей как бахрама от живота почти до земли, необычайно выносливо и не требовательно к пище. Оно вполне довольствуется скудными местными лугами и дает своему хозяину молоко высокого качества, мясо и шерсть. Кроме того на сарлоках ездят верхом и возят на них тяжести. Только самые богатые кочевники обзаводятся в этой местности, кроме вышеупомянутых животных, еще и баранами.

С первых же дней нашего пребывания на Онгин-голе, члены экспедиции приступили ко всестороннему исследованию долины, лесов и горных вершин. Результаты первого беглого осмотра были прекрасны.

Долина верхнего Онгин-гола, по всей вероятности, в очень отдаленные времена, служила кладбищем. На протяжении 15 верст непрерывной цепью тянутся вдоль нее группы самых разнообразных кэрэксуров, или могильников. Чаще всего приходится наблюдать круглые и прямоугольные кэрэксуры, обложенные по периферии камнями. Реже встречаются могильники особых очертаний — с вогнутыми краями.

В 1½ километрах к востоко-юго-востоку от нашей зимовки, экспедиция открыла большие развалины, которые окружающее население называет Олун-сумэ. В настоящее время Олун-сумэ имеет вид целого ряда правильно протянувшихся поперек долины реки холмов, покрытых степной растительностью. Каждая группа построек располагалась на отдельном насыпном возвышении, на общем фундаменте, сложенном из гранитных плит. Поднявшись на такое возвышение, можно различить несколько небольших холмов, остатков внутренних помещений, разнообразной формы.

Одна из таких внутренних построек была вскрыта нами путем раскопок и обнаружила развалины древнего буддийского храма, от которого сохранились кирпичный фундамент стен и множество черепицы. Черепичная крыша имела по краям оригинальную орнаментацию, из которой нам удалось найти несколько совершенно неповрежденных образцов. Один орнамент изображал человеческое лицо с оскаленными страшной улыбкой зубами, другой — санскритский знак. Внутри здания были найдены многочисленные обрывки книг, писанных черной краской на черной бумаге. Маленькие раструхлевшие кусочки дерева хранили на себе выпуклые санскритские буквы и походили на очень древние клише. Надписи на тонкой бересте, также лежавшие на полу кумирни, — более позднего происхождения. Думаю, что способ кладки кирпичного фундамента, а также орнаменты

и надписи дадут возможность с точностью установить время, к которому принадлежат означенные развалины.

Охотясь на самом гребне водороздельного хребта, члены экспедиции были поражены неожиданным видом каких-то деревянных построек. Кругом простиралось безжизненное плато; всюду камни и снег. Деревянная ограда, местами уже разрушавшаяся, представлялась таким анахронизмом среди этой тишины и неподвижности. При ближайшем знакомстве с постройками оказалось, что здесь находится усыпальница тринадцати поколений Сайн-ноин-ханов. Могильные холмы украшены деревянными моделями субурганов, а на оградах висят писаные изображения божеств: Будды, Дархэ и Цзонхавы. В виду того, что в Монголии совсем неизвестен обряд похорон в нашем значении этого слова, и монголы выбрасывают тела мертвых на съедение птицам и зверям, эти усыпальницы, вознесенные на 2.740 метров над уровнем моря, в безлюдье диких вершин хребта, кажутся мне, с бытовой точки зрения, особенно интересным явлением.

В то время, как одни из нас занимались раскопками развалин, а другие изучением соседних ущелий, третьи уезжали далеко за Хангай, по перевалу Битютэн-дабан, в Орхон до его истоков, с массивом Ирхитхайрхан включительно.

Таким образом, совсем незаметно, приблизилась зима: сильные холода и бури, дувшие с западо-северо-запада, прервали наши исследовательские работы в Хангае. Между тем, в окрестностях нашей зимовки, на истоках реки Онгиин-гол, осталось немало интересных развалин, не вскрытых пытливым человеком, а также, по словам туземцев, немало кладов.

Монголы указывают на несколько определенных мест, обнесенных оградой из камней или углублением в роде канавы; в центре такого плоского холма обыкновенно поставлен большой, слегка обтесанный и непременно белый камень — известняк, несомненно принесенный сюда человеком, так как окружающие его отторженцы, лежащие везде в большом количестве, принадлежат к совершенно иной породе. При сильных ударах камнем или плоским орудием по поверхности холма, слышен гул, какой может раздаваться только над довольно обширным полым подземным помещением. Местные жители хорошо знают все подобные „клады“, как они говорят, и с давних времен интересуются ими, постоянно гадают о их содержимом, а иногда заставляют своих шаманов, в момент наивысшего экстаза, прорицать, где и как следует копать, чтобы добыть скрытые в земле богатства.

С одним из таких шаманов мы хорошо познакомились. Это — очень симпатичный буддийский лама, пятидесяти одного года, по имени Цэдэн-Пунцук, занимающийся кустарным ремеслом: самыми примитивными инструментами он выделывает изящные серебряные вещи, преимущественно женские украшения, и этим существует. Кроме того, он очень хороший охотник и чуткий наблюдатель природы, изучивший во всех подробностях повадки диких животных, в особенности волков. В обычном своем

состоянии он ни чем от своих собратий не отличается; разве только по легкому дрожанию его тонких пальцев, подергиванию век, да по несколько тяжелому взгляду темных глаз можно догадаться о повышенной нервной чувствительности.

Своим хорошим знакомым он иногда соглашается „шаманить“. Происходит это самым простым образом без всякого обычного шаманского ритуала: в обыкновенной монгольской юрте очищают один угол, прибрав из него все предметы и оставив на полу одни войлока. Перед бурханами — изображениями буддийских святых — зажигается особая тибетская свеча, которая не горит огнем, а лишь тлеет, издавая легкий, приятный запах. Костер тушится, и на уголья бросают ветвь можжевельника, скоро наполняющую помещение своим сильным, пряным ароматом. В юрте должно быть темно, за исключением маленькой сальной свечи, горящей где-нибудь в углу. Тщательно умыв руки и лицо и допив остатки воды из таза, шаман и тот лама, который должен „зачитывать“ его, садятся рядом на полу, скрестив под собою ноги и обернувшись к бурханам. Оба молчат и сосредоточиваются. Лама про себя беззвучно читает особые молитвы, смысл которых заключается в том, чтобы божество, видимым проявлением которого являются солнце и все небесные светила, вошло в предстоящего и ожидающего здесь человека.

Молчание длится минут десять. Затем лама обносит шамана дымящимися тибетскими свечами, уже громко читая молитву, и, брызнув по сторонам, как бы в приношение божествам, несколько капель вина, налитого в маленькую чашу, всегда стоящую перед бурханами, дает шаману понюхать это вино. В этот момент шаман вздрагивает, и все тело его трепещет под влиянием быстрых судорог. Запрокинувшись назад и касаясь лбом пола позади себя, человек быстро вновь выпрямляется и издает громкий крик, смешанный со страшным хрипением. Конвульсии и мелкие судороги все время продолжают. Высоким протяжным голосом он невнятно бормочет какие-то слова, непонятные присутствующим монголам, а затем начинает говорить самые неожиданные вещи. Иногда это какие-то смутные предсказания о судьбе всего местного края, иногда же он прямо говорит о будущем кого-либо из присутствующих. Глаза его при этом крепко зажмурены, зубы часто издают неприятный скрип, рот искривлен страшной гримасой. В руках он мнет шелковый хадак — „плат счастья“, употребляемый монголами при приветствиях, в который часто дует и плюет. Временами он делает внезапные и очень высокие прыжки, размахивая руками и издавая громкие вопли. Иногда он начинает задыхаться и, храпя, с пеной у рта, рвет на своей груди одежду.

Подобное экзальтированное состояние может продолжаться неопределенно долгое время, пока присутствующий лама не прочитает громко особой молитвы, после которой шаман падает как сноп навзничь и некоторое время мечется по полу. Лама освобождает от одежды его грудь, дует и плюет на нее с какими-то причитаниями; наконец, с глубоким

вздохом и стоном, шаман приходит в себя. С трудом поднявшись с пола, он рассеянным и мутным взглядом обводит присутствующих, как бы плохо понимая, где он находится, и что с ним произошло. Заметив среди монголов несколько русских лиц, он с усталой улыбкой осведомляется у ламы, не сделал ли он в припадке чего-нибудь непристойного, не ушиб ли кого-нибудь своими резкими движениями.

„Прорицание“ Цэдэн-Пунцука побудило местных монголов много лет тому назад начать раскопки под одним белым камнем. Но, дойдя на глубине трех метров до большой обтесанной каменной плиты, они прекратили работу, отчасти по лени, а отчасти из суеверного страха перед силами природы, которые могли бы обрушиться на них за похищение якобы скрытых в земле сокровищ.

Работами на месте в окрестностях зимовки и поездками за соседний хребет-водораздел в долину Орхона по перевалам Битютэн-ама (самый высокий), Барун-улан и Цзун-улан и, наконец, Уптэн-дабан (самый низкий и самый удобный) экспедиция в значительной мере ознакомилась с юго-восточным Хангаем, его общей характеристикой, разнящейся с таковой юго-западного Кэнтэя.

Если путнику, приближающемуся к Хангаю с юга, из однообразной, безжизненной пустыни Гоби, этот хребет кажется необыкновенно привлекательным своими шумными ручьями, теплыми минеральными источниками и тенью густых лесов, то всякий человек, даже избалованный красотой горных ландшафтов, найдет много прекрасного в дикой прелести северных склонов Хангая. С высоты его оголенных каменистых перевалов открываются широкие панорамы на извивающиеся узкими темными трещинами ущелья, в глубину которых „дикими реками“ ниспадают мрачные кедровники и более светлые лиственные леса. На отдаленном горизонте, за широкой долиной Орхона, вздымаются второстепенные хребты, из-за которых, упираясь в облака, встают отдельные доминирующие вершины Ирхит-хайрхан и другие, несколько уступающие ему по высоте массивы. На переломе перевала стоит обо — груда камней, перемешанных с обломками дерева и костей; по местному обычаю, каждый странник должен принести свою скромную лепту на это обо, в ознаменование того, что он благополучно совершил свой путь.

Во многих лесистых падах Хангая, в самых высоких и вместе с тем укрытых от ветра местах, расположены маленькие буддийские кумирни, где живут по несколько отшельников-лам. Целыми днями в этом глухом уединении слышны звуки молитвенных труб и священных раковин, которыми буддисты сопровождают свои богослужения. Один старый лама занимается с более молодыми и даже совсем юными мальчиками грамотой, обучая их чтению тибетских книг. Питаются эти отшельники очень хорошо — приношениями окрестного населения — мясом и пшеном.

В одной подобной кумирне — Цзун-рид, расположенной в одной версте от развалин Ламэн-гэгэн, выше, ближе к подошве гор, куда нас

загнала сильнейшая пурга, и где мы из-за непогоды прожили целые сутки, мы видели, кроме обычных писаных и бронзовых изображений божеств, еще высушенную индийскую кобру, хранившуюся в деревянном ящике. Эта кобра почитается за священный объект и вынимается при торжественных богослужениях несколько раз в год.

Во время наших продолжительных экскурсий, мы обычно ночевали или в кумирнях или в монгольских юртах. Зимой юрта представляет довольно интересное зрелище: при заходе солнца в нее забирается не только вся семья, состоящая обыкновенно из достаточного количества детей и двух стариков, родителей хозяев, но и все имеющиеся телята, ягнята, маленькие яки и беременные овцы. Животным не делается в юрте никакой загородки, и их просто привязывают друг около друга, чтобы они не могли переходить с места на место. Каждое утро овцы, ожидающие приплода, получают „усиленную порцию“ в виде небольших кусков сырой коровьей печени. Кроме мяса животные охотно едят также и хлеб.

Монголы спят совершенно голыми, закутываясь в меховые шубы. Маленькие дети укрываются одной шубой с матерью или с отцом. Кроме того, даже самая бедная юрта, хорошо натопленная сухим пометом домашних животных с вечера, наглухо закрывается на ночь и, нагреваемая дыханием животных и людей, хорошо сохраняет тепло до утра. Только сильный ветер пронизывает юрточные войлока насквозь, и в бурю в ней так же холодно, как на дворе. Монгольские ребята вообще не боятся холода, и в самую суровую зиму, в солнечный день их можно видеть бегающими без всякой одежды, босиком, по ледяным напльвам, образуемым горными речками. В таком виде они бегают загонять скот (около полудня монголы обыкновенно подгоняют дойных сарлоков, или домашних яков, для того, чтобы подоить их), пасущийся иногда в одной или двух верстах от юрты, и в таком же виде они резвятся на льду, катая друг друга на отломанных кусках льда. Однажды, подойдя к юрте, у дверей которой стояла круглая, плетеная из прутьев корзина для собирания аргала, прикрытая старым мешком, я с удивлением увидел, что мешок зашевелился, и из-под него показалось сначала улыбающееся лицо, а потом и все голое тельце ребенка одного или полуторых лет. Он был посажен в корзинку на подосланные войлока и, повидимому, спал там, а теперь проснулся и вылез из своего холодного гнезда с самым веселым видом.

В последнюю свою поездку за хребет-водораздел, по выпавшему глубокому снегу, мы на четвертый день пути от зимовки, вышли из лесов Хангая и спустились в приветливую степную долину Орхона. Вдоль нее на многие десятки верст тянутся широкие гряды больших и малых обломков легкой, пористой породы вулканического происхождения. Эти лавовые нагромождения местами совсем непроходимы, и только кое-где, по узким продольным пространствам между камней, можно пройти пешком и с трудом пробираться на лошади. Однако, неопытному путнику не следует пускаться в эти лабиринты без проводника. Темные уродливые камни, не

хранящие в себе никакой растительной или животной жизни, так однообразны, среди них столько узких проходов, ведущих в конце концов к глухим тупикам, что путешественник через несколько верст неизбежно заблудится, и даже общее, известное ему направление долины, не будет в состоянии вывести его из этого мрачного хаоса. Монголы, хорошо знающие торный путь, и те пользуются различными, известными им одним, приметам и знаками, поставленными на лавовых нагромождениях в виде небольших кучек тех же обломков, положенных друг на друга.

Не превышающий в своем верхнем течении тридцати метров ширины, Орхон жметя к своему левому северному берегу и на протяжении пяти верст протекает по глубокому каньону, который узкой трещиной причудливо изгибается, то подходя к береговым утесам, то углубляясь в степную долину. Подойдя к краю каньона, долгое время не можешь оторвать своего взгляда от неожиданного зрелища; отвесная стена кремнистых сланцев ниспадает ко дну обрыва; там, на глубине двадцати метров, искрящейся на солнце лентой бежит никогда не замерзающая в этом месте река. На крутых поворотах, среди крупных отторженцев, устилающих ложе реки, вода покрыта клубящейся пеной и образует водовороты и шумные каскады. В расширениях реки, там, где течение становится медленнее, плавают стаи зимующих здесь гоголей, *Viscerhala clangula*; в теплые зимние дни, пригретые солнцем, эти птицы занимают весенней игрой.

Из-под узких ледяных заберегов непрерывной трелью льется песня оляпки, или водяного воробья, *Cinclas leucogaster*, который, стоя над самой водой на краю льдинки и закрытый ледяным сводом, разнообразит свое веселое пение частым нырянием в воду и беганьем в мелких местах по дну реки, в поисках личинок разных насекомых, служащих ему пищей. Эта птичка держится по всем „талцям“ — незамерзающим местам северомонгольских рек, где в воде и на льду проводит всю суровую местную зиму.

Вблизи реки, на каменистом грунте, растут небольшие группы стройных высоких лиственниц и роши тополей, не достигающих, однако, своими вершинами верхнего края каньона и спрятанных, таким образом, в глубине этого провала. Там, по деревьям и кустарникам, лепящимся среди скал, оживленно стрекочут рыжегорлые дрозды, и перелетают изящные горные овсянки, *Emberiza cioides*.

Немного выше по течению Орхона, вблизи западной окраины каньона, степную долину перерезает по диагонали быстрая, многоводная речка Улан, бегущая с Хангая. Пройдя своим пологим, ступенчатым руслом к Орхону, она широкой (двенадцать метров) и мощной струей внезапно низвергается по вертикальной сланцевой стене в глубину двадцати-метрового каньона искрящимся водопадом и фонтаном бесчисленных брызг вновь взлетает кверху. Этот водопад, названный мною „Водопадом Экспедиции Козлова“, зимою наполовину замирает, скованный голубоватым потоком льда; летом оглушительный рев его слышен на далекое расстояние

и внушает туземцам суеверный страх, смешанный с молитвенным преклонением. В прежнее время водопаду ежегодно приносилось в жертву несколько слитков серебра, которые бросались в пучину. Этой жертвой у таинственных сил природы вымаливалось многоводие Орхона, орошающего большие пространства пастбищ этой скотоводческой страны.

В скалистых береговых утесах Орхона живет интересный хищник, называемый монголами „манул“, или дикая кошка, *Felis manul*. Питаясь мелкими грызунами, она ведет очень скрытый, осторожный образ жизни. Испуганная человеком, кошка не бежит далеко, как лисица или волк, а тут же бросается в ближайшие скалы и прячется среди камней. Если идти мимо нее, как бы не замечая ее присутствия, то можно подойти к животному на несколько шагов и, внезапно обернувшись, убить ее палкой, что монголы чаще всего и практикуют. Животный мир Хангая не отличается богатством и разнообразием: из хищников, кроме дикой кошки, водятся волк и лисица; в валунах маловодных речных русел встречается горностай. В лесу и в степной части речных долин живут два различных вида хорьков. Туземцы утверждают, что в скалах хребта есть соболь, а в урёмках горных речек водятся рыси, но нам не удалось в этом убедиться лично. Из парнокопытных, по северным склонам Хангая, можно встретить козулю и лишь в очень незначительном количестве аргали. Горные бараны, а также и горные козлы, преимущественно населяют скалы и альпийские луга истоков Орхона. Там же водятся в глухих лесах изюбри, или олени, а также лоси и кабаны.

Грызуны характеризуются на истоках Онгиин-гола присутствием двух видов зайца: обыкновенного беляка, *Lepus timidus*, и маленького — *L. tolai*, белки, тарабагана, или сурка, суслика, скалистой и обыкновенной пищухи, хомяка, землеройки и различных полевок.

Из птиц, в кедровых и лиственничных лесах тех же северных склонов Хангая, там, где растет много брусники, водятся в большом количестве глухари, *Tetrao parvirostris macrurus*, а также встречаются стайками темно-розовые щуры и такие же нарядные клесты. Несколько видов дятлов оживляют лес своим стуком и выбиванием быстрой, частой барабанной трели по сухим веткам и стволам, служащим им прекрасным резонатором. В кедровниках часто слышатся хриплые голоса ореховок и соек. Оживленные процессии мелких синиц, сопровождаемые всегда одним или двумя поползнями и очень редко одинокой пищухой, *Certhia familiaris*, исследуют древесную кору и мохнатые ветви кедров. По кустарниковым зарослям речных долин всю зиму видишь белых куропаток, *Lagopus mutus*, покрывающих свежую снежную порошу сложной сетью своих характерных следов. Здесь же держатся скромные, серые, однообразного цвета снегири, с нежно пурпурным кольцом вокруг клюва, *Pyrhula pyrrhula* и *P. cassini*, обыкновенные свиристели, розовые чечевицы и многочисленные стаи бойких чечеток. В скалах удавалось несколько раз наблюдать одиноких, неподвижно сидящих на выступающих камнях сычей, *Athene noctua*,

и маленьких сов, *Cryptoglausa tengmalmi*, а в лесу, один раз, встретила большая мохнатая неясыть уральская, *Strix uralensis*. По гребню хребта и по вершинам солнотечных увалов, повторяю, бродят стайками осторожные горные индейки, *Tetraogallus altaica*, откапывая корневища горных растений. Над широкими степными долинами рек нередко парят крупные хищники — бурые грифы, *Vultur monachus*, и бородатые ягнятники, *Gypaëtus barbatus*, высматривающие отбросы, а вблизи монгольских юрт всегда перелетают стайки рогатых жаворонков, *Eremophila brandti*, и прыгают надоедливые сороки и красноклювые клушицы, ожидая подачи.

В верхнем течении Орхона, до истоков включительно, по нашим последним наблюдениям, до сих пор существуют остатки древних могильников, над которыми поставлены гранитные памятники, в форме столбов или обелисков, украшенных сложным крупным орнаментом. Большое древнее кладбище, покрытое каменными плитами и увенчанное высоким гранитным обелиском, покоится среди долины с большой дорогой и смотрит на величественный массив Ирхит-хайрхан, с северо-северо-запада.

Последний период работ экспедиции — весна и лето 1926 г. — прошел особенно разнообразно и плодотворно.

Едва мы выступили со своей зимовки, на истоках реки Онгиин-гол по направлению к заветному югу, как наше поступательное движение было задержано открытием интереснейших развалин древнего китайского военного города, раскинувшегося по склонам юго-восточных отрогов Хангая, доминирующая вершина которых носит название Хан-кокшун-ула. От монастыря и ставки Сайн-ноин-хана эти развалины отстоят в сорока пяти верстах к юго-западу.

В настоящее время от города остались следы развалин стен, расположенные тремя правильными квадратами, один над другим, в ущелье Ихэ-модо. Самый нижний и в то же время наименьший квадрат, сторона которого равна двумстам метрам, сохранил следы дугообразных оснований башен или ворот. В некоторых местах тянулись широкие канавы, обрамленные целым рядом углублений разнообразной формы. В центре города возвышалась небольшая каменная постройка, напоминавшая военный пост.

Невдалеке, на каменистом холме, с южной его стороны стояла в наклонном положении серая, гладко отшлифованная кварцево-порфировая плита величиной около метра. Эта плита с верху до низу была покрыта высеченными на ней китайскими иероглифами, довольно хорошо сохранившимися.

Перевод этой надписи свидетельствует о том, что на этом месте около 700 лет тому назад находился китайский военный город, основанный войсками Хубилай-хана по его распоряжению, в память подавления восстания. С плиты были сняты две фотографии, а надпись скопирована, таким образом, содержание ее стало достоянием истории.

Вот текст ее перевода на русский язык:

„По указу Его Богдоханского Величества главнокомандующий тысячным отрядом гвардейского корпуса левого крыла, тысячник Чан-вэн, выступив в поход со смелыми богатырскими войсками, четвертой луны... числа 15 года Джиоу-юань (1275) в северном направлении прибыл на место... числа десятой луны, поставил айли-юрты, построил дворы и применительно к характеру местности основал крепость, с проточною водою и прудом ниже города.

„Эта крепость по своей прочности может равняться древнему золотому городу Джиоу-тунг-гуань и каменному форту.

„Охранное войско долгое время пребывало в бездействии и, однажды, в теплый день, вышло в степь на стрельбу. Съехались все чины и... сказал: — Если что-нибудь существует на земле, то оно должно иметь свое имя или название, и не может быть, чтобы что-нибудь существовало без названия. Еще Конфуций сказал: „Название должно быть прочное и точное“.

„По сему случаю вопрос наименования является вопросом великой важности. В настоящий момент эта крепость и высокая и красивая не имеет своего названия, и это обстоятельство меня... печалит.

„— Все, что вы говорите, очень правильно, в таком случае какое же дать название крепости?

„И тогда гун-князь... доложил: — Раз волею великих Тэнгриев и добродетелью их на тысячи лет мы распространили величие и славу на весь мир... и всею мощью... подавили восстание, посему не подобает ли дать название сему городу „Шюа-уй-чжэн“ — „Военная крепость, распространяющая величие и славу“. С этим все согласились!

„Надпись сия поставлена двенадцатой луны 5-го дня 15-го года в правление Джиоу-юань великой Юаньской династии.

„Тысячник гвардейского корпуса левого крыла Чан-вэн“.

Войско, о котором здесь идет речь, принадлежало Хубилай-хану, захватившему трон китайского императора. По закону Чингис-хана, император избирается народным собранием, хурултаем. Хубилай-хан с помощью горсти приверженцев сорвал избрание прочих кандидатов и провел свою кандидатуру в течение первого года заседаний хурултая. Сторонники закона, в том числе и его родной брат — Ариг-буху, восстали против узурпатора, но Хубилай-хан победил своих противников и в знак этой победы поставил каменную плиту с вышеизложенной китайской надписью.

Интересно, что у монголов по поводу этих развалин существует фантастическое предание. „Когда-то, очень давно, — говорит легенда, — в близком соседстве друг с другом жили два государя, двух различных племен. Владения одного из них простирались до урочища Манитэ и распространялись к северу. Владения другого имели северной границей перевал Тэлэн-дабан. Государь, живший в Манитэ, вел свой род от барана и был

не то киргиз, не то монгол, а государь, властвовавший на южном склоне Хан-кокшун-ула, считался потомком волка. Его звали Тии-нос, и от него пошел род Чингис-хана“.

У этих государей разгорелась война. Тии-нос, укрепившись на речке Ихэ-модо, наголову разбил неприятеля, а после того, как говорит предание, волки-люди съели всех потомков барана.

Следующим этапом работ экспедиции совершенно неожиданно оказалось скромное и никому неизвестное урочище Холт в пустынных холмах Северной Гоби. Здесь, в береговых обрывах красной глины было обнаружено богатое палеонтологическое кладбище. Ископаемые остатки позвоночных животных находились по большей части в верхнем слое красной глины, мощность которого редко превышала один метр. Поверх глины лежала галька, покрытая слоем почвы. Кости располагались отдельными группами, или гнездами, как мы привыкли их называть; когда раскопочные работы доходили до такого гнезда, то положительно нельзя было найти промежутка, занятого одной глиной, — везде плотной массой залегали кости. После сильных ливней дождевые потоки выносили в каменистые русла речек множество интересных палеонтологических объектов. В тех местах, где почва и галька под влиянием частых осадков совсем отсутствовали, ископаемые остатки позвоночных часто выступали наружу, на самую поверхность красной глины. Мы находили крупной величины ребра, бивни, рога, челюсти, очень много разнообразных зубов, отдельные кости черепа, тазовые кости и проч. Среди многочисленных находок позвоночных имеются остатки: носорогов, жираффы, трехпалой лошади, различных коз, оленей и ряда крупных и мелких грызунов, а также остатки двух видов гиен и проч.

Профессор А. А. Борисьяк, который получил для изучения почти весь палеонтологический сбор Монголо-Тибетской экспедиции, говорит следующее: „Палеонтологический материал, собранный путешественником П. К. Козловым в красной глине в Северной Гоби, принадлежит хорошо известной фауне, которая в конце миоцена и начале плиоцена заселяла почти весь Старый Свет. Эта фауна носит название Пикермийской (по местечку около Афин, в Греции, откуда остатки ее впервые были хорошо описаны) или фауны *Hipparion*'а, по ее наиболее распространенному представителю. Остатки этой фауны были находимы в Азии от Белуджистана и Сиваликских холмов на юге до Северного Китая и Семипалатинска на севере, а в Европе она известна как в южной, так и в центральной ее областях. Она состоит из элементов, развивавшихся главным образом в Азии (носороги, жираффа и др.), частью пришедших из С. Америки через существовавшее в то время соединение между этими континентами, вероятно в области Берингова моря (трехпалая лошадь, *Hipparion*). Из Азии эта фауна через Малую Азию, Кавказ, Крым (Черного моря еще не существовало) и Южную часть русской равнины направилась в Европу, где расселилась до Пиренейского полуострова включительно, а через Европу

и отчасти непосредственно через Малую Азию она переселилась в Африку, где потомки ее продолжают жить до сих пор, тогда как в более северных частях Старого Света (Европе, Азии) она была вытеснена другою фауною, ныне обитающею в этих областях“.

Для того, чтобы не упускать натуралистических изысканий, несколько сотрудников, во главе с моим старшим помощником, орнитологом Е. В. Козловой, отправились в конце марта на озеро Орок-нор, которое им было поручено всесторонне исследовать, пронаблюдать на его берегах весенний пролет птиц и заглянуть в хребет Монгольский Алтай. Третий отряд Монголо-Тибетской экспедиции в это же самое время сосредоточил свои изыскания в низовье Эцзин-гола и в мертвом городе Хара-хото.

Во всех трех пунктах работа кипела дружно и захватывала самые разнообразные отрасли научного исследования. В Холте преобладала палеонтология, на Орок-норе — зоология, а в Хара-хото — археология и детальная съемка развалин знаменитого города.

Солоноватое озеро Орок-нор залегает в обширной долине, протянувшейся на сотни километров между хребтами Ю. Хангаем на севере и Монгольским Алтаем на юге, и имеет 85 километров в окружности. Большая река Туин-гол, впадающая с севера, и многочисленные ключи, рассыпанные там и сям по берегам Орок-нора, сильно опресняют бассейн и создают болота и поймы, заросшие местами высоким камышом. В таких приветливых урочищах с пышною зеленью останавливаются тысячи пернатых. Рыбы в озере очень много, но окрестное население никогда не пользуется ею, и рыболовством занимаются только одни птицы. Глубина Орок-нора незначительная; по центральной наибольшей оси — с запада на восток — на протяжении двадцати километров она колеблется от двух до четырех метров. Несмотря на мелководность бассейна, на нем нередко бывали высокие волны, вздымаемые сильными восточными и западными ветрами. Волны достигали свыше метра высоты, и плавание по Орок-нору в складной брезентной плоскодонной лодке, с целью промера глубин, представляло не мало серьезных затруднений. Монголы с живейшим интересом приходили на наш бивак осматривать невиданную ими никогда лодку и с неменьшим любопытством разглядывали русских путешественников, которые осмеливались плавать на таком маленьком и с виду ненадежном судне.

Туземцы уверяли, что озеро во многих местах бездонно, и что в нем обитает страшное чудовище, в роде дракона, которое непременно поглотит русских смельчаков, наносящих ему оскорбление непочтительным плаванием над его головой.

— Если поплывете по середине Орок-нора, то никогда не вернетесь, — с убеждением говорили наши соседи и с видимым страхом ожидали результатов нашего плавания. Благополучное окончание промеров глубины заставило монголов поверить в необычайную силу русских и проникнуться к ним уважением.

Весною и летом население в долине озера значительно. По привольным лугам и зарослям дэрэсу паслись многочисленные стада верблюдов, лошадей, баранов. Эти животные принадлежали главным образом очень большому, богатому буддийскому монастырю Ламэн-гэгэн, находящемуся в Хангае, и только небольшое количество — частным собственникам.

Пастухами частных стад нередко бывают дети (как сыновья, так и дочери) хозяев, семи-десяти лет от роду. Любопытно и поучительно смотреть, как эти малыши ловко и умело справляются со своей задачей. Иногда, впрочем, случаются неприятные происшествия. Ребенок, утомившись от ходьбы и жары в знойный день, засыпает где-нибудь под камнем и, проснувшись, не находит своего стада и не может сообразить, в каком направлении находится его юрта. При нас был случай, когда мальчик восьми лет пропал целые сутки. Баранов родители разыскали в тот же день, но пастушка с ними не было. Как сами родители, так и все соседи принимали самое деятельное участие в розысках ребенка: верховые и пешие гонцы отправились во все стороны и с громкими криками и причитаниями бродили по всей пустынной полосе на южной окраине озерной котловины. В конце-концов только на следующий день к вечеру один из сотрудников экспедиции, а именно, обладающий острым зрением Ганчжуров, также отправившийся на поиски заблудившегося, заметил его за несколько километров в призматический бинокль экспедиции и таким образом предотвратил несчастье. Мать пастушка приходила благодарить нас со слезами радости и принесла в дар скромные продукты своего молочного хозяйства.

Живя на озере Орок-нор, мы постоянно любовались суровыми очертаниями хребта Монгольского Алтая и двумя его снежными вершинами, Ихэ-богдо и Бага-богдо, вздымавшимися к синему небу, одна — хмурыми величественными зубцами, и другая — грандиозным куполом.

По окончании весеннего пролета птиц, который был довольно разнообразен и богат, в особенности, представителями отряда плавающих и голенастых пернатых, мы поспешили переселиться на северный склон Ихэ-богдо.

Монгольский Алтай совершенно безлесен, пустынен и мрачен. Лишь кое-где по сухим руслам и около оголенных сланцевых скал ютятся кусты дикого персика, жимолости и смородины. Здесь царство зверя, а не человека. В течение целого месяца нашего пребывания в горах мы ежедневно видели по нескольку раз аргали и семейства горных козлов. В Ихэ-богдо, в уединенных ущельях, живут кое-где монголы, чаще всего охотники. Во время отдаленных экскурсий нам нередко приходилось пользоваться их гостеприимством и попутно знакомиться с некоторыми чертами их быта, который до сих пор носит печать патриархального „благочестия“.

В повседневной жизни самыми интересными моментами, пожалуй, являются приготовление к ночному отдыху и утреннее пробуждение. В узкой горной пади уже совсем стемнело. Стадо баранов и коз давно толпится около юрты. Все семейство плотно пообедало мясом, и каждый

расстилат свою немудреную постель. Хозяин дома подходит к ящичку, на котором расставлены металлические изображения кумиров, или бурханов, и зажигает перед ними маленькую лампадку — металлическую чашечку, с салом и горящим в нем фитилем. Правой рукой он вынимает щипцами из тухнувшего костра тлеющий уголь и сыплет в него особый благовонный порошок, который начинает дымиться. Неторопливо и важно окуривает монгол прежде всего престол с бурханами, ящички со священными книгами, все закоулки юрты, а потом и самого себя. Он подносит к лицу дымящийся порошок и, склонив голову, направляет благовоние в глаза, нос, рот, в широкие рукава и в открытый ворот халата. Затем он становится на колени и справа налево замыкает около себя круг этим же ароматным дымом. После этого щипцы с углем последовательно переходят к хозяйке, к детям, и каждый окуривает себя. Во время всей процедуры глава семьи низким басом и слегка нараспев повторяет формулу благословения: „Ом-ма-хум, Ом-ма-хум, Ом-ма-хум!“. Это звучит торжественно.

Перед бурханами зажигаются две тибетских свечи, которые тлеют спокойным, неподвижным красным огоньком. Хозяин садится, поджав ноги, лицом к бурханам, берет четки в обе руки, прижимает их к глазам и ко лбу и долго сидит таким образом неподвижно. Зажав четки в ладонях рук, он потрясает ими, дует на них и начинает правой рукой перебирать их. Четок всего сто одиннадцать; из них одна непременно должна быть большая. Хозяйка молится одновременно с мужем, а когда тот ложится спать, она выходит на воздух и начинает ходить кругом юрты, бормоча молитвы. Хождение продолжается иногда час и даже больше.

Утром мать семейства встает раньше всех и прежде всего ставит на огонь пустую чугунную чашу. Когда она нагреется, женщина быстрым движением руки вытирает чашу кусочком войлока и наливает в нее воды, а сама особым топориком („нюдур“) толчет кирпичный чай в деревянной ступке („ур“), с толстыми стенками и маленьким отверстием посредине. Приготовив чай, хозяйка надевает маленькую остроконечную шапочку, заваривает чай и дает ему вскипеть вместе с молоком, солью и маслом. Первую ложку чая хозяйка наливает бурханам, а вторую выносит за дверь юрты и выплескивает в воздух, в виде приношения духам. Из котла чай разливается по деревянным закрытым кувшинам („домба“). Здесь теплый, постоянно подогреваемый чай хранится, как угощение, целый день.

Каждый монгол-охотник носит на поясе ремешок, с нанизанными на нем девятью китайскими монетами („чохами“). Прежде чем отправиться на охоту, он снимает эти чохи, берет один из них, дует в его отверстие, затем, зажав деньги между ладонями рук, прижимает ко лбу и несколько раз встряхивает их так, чтобы они легли столбиком. Раскрыв руки, охотник рассыпает монеты в ряд на ладони и гадает по порядку их расположения об удаче или неудаче охоты. Если гадание благоприятно, охотник сразу приторачивает к седлу веревку для будущей добычи, потом садится около бурханов, берет ружье, кладет его на колени, поглаживает,

осматривает его и шепчет какую-то молитву, смысл которой заключается в том, чтобы „хозяин“ (известное поверье у монголов говорит, что у каждого рода животных есть свой „хозяин“) позволил ему взять хотя бы одного зверя из охраняемых им стад. Иногда монгол снимает шапку или платок, которым у него повязана голова, и дает его матери, которая молча прячет этот предмет за пазуху и читает молитву. Сын сидит и ждет; потом он быстро принимает свой убор и, не простившись, даже не взглянув на мать, уходит.

Если монеты несколько раз расположились неблагоприятно, то монгол в этот день способен отказаться от охоты.

В горах Ихэ-богдо почти в каждом ущелье среди сланцевых скал есть большие пещеры, носящие следы пребывания человека. В некоторых из них мы находили маленькие глиняные изображения святых, обрывки монгольских и тибетских книг и проч. Подъем к пещере крут и почти недоступен, вход обычно очень узок. С трудом пробравшись через такую трещину-дверь,ходишь в широкое помещение с неровным, косым скалистым потолком и земляным полом. Даже в самые жаркие дни в пещере сыро, холодно и всегда полутемно, так как свет проникает только через вход. Здесь жили, а кое-где и по настоящее время живут буддийские монахи-отшельники. Летом они питаются исключительно травами, преимущественно высушенными и растертыми крапивой и щавелем, из которых они делают болтушку и нечто в роде лепешек. Монгольское население очень почитает „пещерных лам“ и заботится о том, чтобы в зимнее время у них была более питательная пища.

Один раз в год, в середине лета, знакомый мне Агой-дайя-цаган-лама, живущий в ущелье Битютэн-ама, около главного массива Ихэ-богдо, под самым гребнем хребта, выходит в „мир“, спускается к озеру Орок-нор и там над священным источником совершает богослужение, ко времени которого сюда стекаются все окрестные монголы. Во время его отсутствия мы заглянули в его жилище и не нашли в нем ничего, кроме маленького веника, связанного из веток местной березы, и очень большого мешка со сложенными в нем обломками сталактитов.

Восточный отряд Монголо-Тибетской экспедиции, под руководством моего помощника С. А. Глаголева, в течение всей весны и части лета работал в низовье реки Эцзин-гол и в мертвом городе Хара-хото.

В начале июня я решил посетить свое детище в далекой пустыне и возобновить добрые отношения с торгоутскими властями, от которых в большой мере зависела успешность работ экспедиции. С бивака на озере Орок-нор, где я некоторое время жил в отряде Е. В. Козловой, я снаряжился налегке, взяв с собою только бурята-переводчика и монгола-проводника. С нами шло пять-семь верблюдов: два вьючных, три верховых и два заводных.

3 июня мы выступили перед самым восходом солнца. Заря румянила ясное небо и тихие воды озера Орок-нора. Печальными трубными

звуками неслись голоса лебедей, над водою раздавались клёкот орлана-рыболова и гоготание гусей, покидавших мокрые луга — место своего ночлега. Перед нами вздымался суровой стеною Монгольский Алтай. Пустынная каменистая дорога вела нас на его перевал. День выдался жаркий, и верблюды подвигались медленно, слегка раскрывая рты. Уже высоко в горах, нам встретился лама-богомолец. Древний старец, с котомкой за плечами, одиноко плелся к далеким святыням Хангая, опираясь на корявую палку. На самой вершине перевала беспорядочным стадом шли домашние яки, подгоняемые маленькой девочкой 10—11 лет. Она вела своих животных на северный склон гор и с улыбкой приветствовала нас. „Заходите к нам!“ — проронила она мимоходом, держа во рту данную мною карамель. На перевале мы простились с голубым Орок-нором и с силуэтами Хангайских высот. Весь юг, куда мы теперь должны были углубиться, представлял из себя дикую, безбрежную пустыню, слегка всхолмленную поперечными грядами высот. Воздух, насыщенный пылью, был мутный и серый, а дали казались сумрачными. Только в долине речки Легэн-гол, вблизи ключей, питающих эту речку, мы встретили островки изумрудной зелени и жалкие, тощие пашни монголов. Здесь сеют исключительно ячмень. Поле обрабатывается примитивной деревянной сохой, которую везет верблюд. Вокруг полей выкопаны, по примеру китайцев, маленькие каналы.

Солнце садилось за соседние высоты, когда мы остановились на ночлег в бедной юрте местных монголов. Старушка хозяйка угостила нас чаем и приняла очень приветливо. Увидев на моей руке обручальное кольцо, она тихо спросила, золотое ли оно, и выразила желание подержать его в руках. Получив согласие, она взяла кольцо в обе руки и, полузакрыв глаза, приложила ко лбу, прошептала молитву, а затем с благоговением возвратила его мне.

Каждый день мы вставали около двух часов ночи, а то и раньше, для того, чтобы сделать возможно больший переход в прохладное время раннего утра, так как днем невыносимый зной сильно затруднял движение. Песок нагревался до того, что было горячо ступать по нему в больших сапогах, а если случайно на остановке кому-либо из нас приходилось дотронуться до песчаной поверхности мокрой холодной рукой, то на коже сразу получался сильный ожог. Частые овраги, пересекавшие наш путь, особенно утомляли нас, так как верблюды вообще не умеют спускаться с горы шагом, а их и без того утомительное покачивание превращается здесь в тягостную и с трудом переносимую тряску. По мере того, как мы углублялись к югу, пустыня становилась ровнее, безжизненнее; по ней, словно какие-то демоны, бегали затейливые по очертаниям вихри, а вдали дрожал мираж.

Правда, от речки Легэн-гол до озер Эцзин-гола, пустыня преграждается тремя цепями гор: Халтэрэ-нуру, Нэмэгэтэ и Ноин-богдо, расположенными в широтном направлении параллельно друг другу. У под-

ножий этих гор довольно нередки колодцы с хорошо прохладною водою, питающею окрестных кочевников и их стада, ежедневно пригоняемые к колодцам, на водопой. Глубина колодцев в большинстве случаев незначительная — около двух метров, реже больше. Между этими горами залегают глубокие, широкие долины, по песчанному дну которых часто стелется саксаул, в котором пасутся верблюды. Простираясь в ширину на несколько десятков верст, долины эти уходят к востоку и западу за горизонт и кажутся совершенно беспредельными.

Первая богатая растительность, которую мы увидели на пятнадцатый день своего томительного путешествия, были высокие тополя и пышные тамариски долины Эцзин-гол. От реки до мертвого города Хара-хото всего 12 километров, и на всем этом протяжении тянутся бугры с бледно-зеленым тамариском, и видны следы древних пашен и водных артерий. Путник, поднявшийся на высокий песчаный бархан, сразу видит мертвый город, как на ладони. Высокие стены с башнями по углам окружают Хара-хото. Шпиль главного субургана, или надгробия, высоко вздымается над развалинами. С северо-северо-востока могучей волной надвинулись на город сыпучие пески, засыпали стены и даже вошли внутрь города. Все здесь тихо и мертво, и следы человеческой жизни с каждым годом поглощаются серой однообразной массой беспредельных песков.

Мертвый город в глубине пустыни за время нашего пребывания в нем оживился. Исследуя его тихие заглохшие улицы и угадывая значение тех или иных когда-то, видимо, богатых зданий, мы как бы воскрешали к новой жизни древнюю столицу вымершего племени Си-ся.

Мертвый город Хара-хото, столица тангутского царства Си-ся, был открыт мною еще в 1908 году и вновь теперь посещен нашей последней Монголо-Тибетской экспедицией Государственного Русского Географического Общества 1923 — 1926 гг., которая произвела в нем археологические раскопки и сняла детальные планы всех его развалин.

Хара-хото расположен в центре Гобийской пустыни, в 12 километрах от ближайшего восточного рукава реки Эцзин-гол. Пышная растительность могучих вековых тополей и кустарниковых зарослей долины Эцзин-гола резко обрывается у последней к востоку водной артерии, сменяясь безжизненной щебнево-галечной пустыней, прорезанной сухими руслами и загроможденной местами песчаными буграми, покрытыми тамариском. Кругом все тихо и безжизненно. Вдоль сухих канав разбросаны гранитные жернова, молотилки, валяются обломки керамики, а из-под песка видны неясные очертания уцелевших построек. В прежние, давно минувшие времена Хара-хото был цветущим оазисом, раскинувшимся среди рукавов усыхающей ныне на сотни верст реки. Здесь расстилались богатые пашни, по которым были проведены каналы с проточной водой, и со всех сторон, кроме юго-западной, пестрели фанзы местного населения. Самый город, его центральная часть, обнесен глинобитной стеной в 9 — 10 метров высотой и занимает площадь 385×325 м.

Стены укреплены многочисленными башнями, выступающими как по углам, так и вдоль стен. В город ведут двое ворот — западные и восточные. Каждые ворота защищены особой коленчатой стеною, с массивной башней, в верхней площадке которой устроена целая система амбразур, приспособленных для более удобного метания снарядов в осаждающих врагов. Остатки этих снарядов — камни, кирпичи, жернова и крупная галька, насыпаны на всех стенах беспорядочными грудями или правильной тонкой струей то непрерывной, то с большими или меньшими промежутками. Местами со стен ведут на землю, внутрь города, более или менее широкие лестницы, а на южной стене они заканчиваются около двух келий, выдолбленных в стене и носящих явные следы муровки. Надо полагать, что это были кельи отшельников.

На северо-западной угловой башне вздымается огромный субурган, около 12 метров в высоту; вокруг него устроено подобие балкона с барьером, приспособленным для стрелков. В северной стене, недалеко от лестницы, зияет брешь, шириною около двух метров. По преданию, именно через эту брешь осажденные жители Хара-хото сделали вылазку в которой и погибли.

Вся внутренняя площадь города покрыта невысокими буграми с мягкими очертаниями, с первого взгляда песчаными и галечными, с массой осколков глиняной и фарфоровой посуды. Но при раскопках, под тонким слоем мелкой гальки и песку всегда обнаруживается тростник, которым, повидимому, покрывались крыши построек, обломки кирпичей, глина и обугленные куски бревен. Это — остатки глинобитных фанз, которые и служили большинству населения жилищами. Кое-где из таких бугров выдвигаются на незначительную высоту остатки глиняных или кирпичных стен. Обычно подобные остатки, соединяясь в группы, занимают довольно значительную площадь. Это — развалины домов более состоятельных горожан. В тринадцати местах города возвышаются, иногда на большую высоту над землею, развалины зданий, сохранившихся лучше других, благодаря тщательности, массивности и богатству постройки. Это — кумирни китайской и тангутской стройки, с полами, вымощенными голубовато-серыми кирпичами, субурганы, какое-то управление в центре города, большой дом по „Главной“ улице, повидимому, принадлежавший крупному землевладельцу, очень большая кладовая для зерна и двор, где жили магометане.

Торговые помещения в восточной части города носят такой же характер постройки, что и современные китайские лавки. Непосредственно на улицу выходит собственно лавка, повидимому, не отделенная от улицы стеной, а за лавкой находится крошечная комната с каном, занимающим большую часть ее. Сзади всей этой постройки всегда бывает маленький дворик, окруженный незначительными строениями. Узкие улицы прорезают кучи мусора и обломков, в виде неглубоких желобов, и идут в широтном или меридианальном направлении, не делая никаких изгибов. Можно

отметить „Главную“ улицу, протянувшуюся от западных ворот города к восточным, „Торговую“, соединяющую управление, или „ямунь“, с восточными воротами, и третью „Главную“ улицу, пролегающую в меридиане буддийской кумирни, или храма. Северо-западная часть города, повидимому, считалась наилучшей, так как здесь располагались две группы нарядных храмов китайского типа, дом богатого землевладельца и, наконец, дворец, по преданию, самого Хара-цзянь-цзюна, с двумя кумирнями. Этот дворец занимает почти всю северо-западную четверть крепости и представляет собою большую площадь, перегороженную сложной системой полуразрушенных стен, дворов и переходов. Угол, образованный северной и западной стенами города, занят в настоящее время большой ямой, с пологим, узким выходом на юго-восток и с отвалами по сторонам. Это раскопки, произведенные в 1914 г. английским археологом сэром А. Штейном.

Непосредственно к восточной стене города примыкают развалины предместья. Все постройки его принадлежат к типу глинобитных фанз. От ворот города к востоку проходит большая улица, пересекаемая несколькими, теперь уже мало заметными, переулками. У юго-западного угла крепостных стен, за пределами города, возвышается большая и хорошо сохранившаяся мечеть, а на расстоянии четверти километра от западной стены находятся остатки грандиозного „Знаменитого“ субургана, подарившего мне в свое время столь богатые археологические сокровища.¹

Основное население Хара-хото состояло из представителей ныне вымершего тангутского племени Си-ся, исповедывавшего буддийскую религию, и из мусульман. Легенда повествует, что последний вождь Си-ся — Хара-цзянь-цзюнь, опираясь на свое непобедимое войско, намеревался отнять китайский престол у императора, вследствие чего китайское правительство выслало против него военный отряд. Целый ряд битв между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзянь-цзюня произошел к востоку от Хара-хото, около современных северных алашанских границ в горах Шарцза, и был неудачным для последнего.

Имея перевес, императорские войска заставили противника отступить и, наконец, укрыться в последнем его убежище — городе Хара-хото, который и обложили кругом. Долго ли продолжалась осада крепости — неизвестно, но, во всяком случае, крепость была взята не сразу. Императорские войска, не имея возможности взять Хара-хото приступом, решили лишить осажденный город воды, для чего реку Эцзин-гол — ее самый восточный рукав, протекавший в то время по сторонам города и орошавший весь оазис, отвели влево, на запад, запрудив прежнее русло мешками, наполненными песком. Эта запруда сохранилась и поныне, в виде вала, в котором торгоуты еще недавно находили остатки мешков. Лишенные речной воды, осажденные решили рыть колодезь в северо-западном углу

¹ О „Знаменитом“ субургане или вообще о Хара-хото см. мой труд „Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото“. Государственное Издательство, 1923 г.

крепости, но, пройдя в глубину около восьмидесяти чжан (чжан равен одному метру) воды все-таки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзянь-цзюнь решил дать противнику последнее генеральное сражение, но на случай неудачи он уже заранее использовал выкопанный колодезь, скрыв в нем свои богатства, которых, по преданию, было не менее восьмидесяти телег; затем, он умертвил двух своих жен, а также сына и дочь, дабы неприятель не надругался над ними. Сделав означенные приготовления, батырь приказал пробить брешь в Северной стене, о которой я уже говорил в описании развалин. Через эту брешь он во главе войск устремился на неприятеля и вскоре погиб в бою, потеряв все войско, считавшееся до того времени непобедимым.

Императорские войска, по своему обыкновению, разорили взятый город до тла, но скрытых богатств не нашли. Говорят, что сокровища лежат там до сих пор, несмотря на то, что китайцы соседних городов и местные монголы не раз пытались овладеть ими. Неудачи свои в этом предприятии они всецело приписывают заговору, положенному самим Хара-цзянь-цзюнем; туземцы особенно верят в действительность этого заговора после того, как в последний раз искатели клада вместо богатств отрыли двух больших змей, ярко блестящих красной и зеленой чешуей. В 1908 — 1909 гг. в Хара-хото, в „Знаменитом“ субургане мною была найдена целая библиотека — около двух тысяч томов книг, множество рукописей и свитков на языках: монгольском, китайском, тибетском, уйгурском, тюркском, персидском, тангутском и, наконец, на неведомом языке Си-ся. До трехсот образцов буддийской иконописи, исполненной на холсте, тонкой шелковой ткани и на бумаге, также украсили нашу коллекцию. Среди книг и живописи в субургане попадались металлические и деревянные статуи, клише, модели и многое другое. Особенно великолепен и ценен гобелен как образчик превосходного ткацкого искусства.

В субургане, вероятно, было похоронено духовное лицо, костяк которого покоился в сидячем положении, несколько выше пьедестала, у северной стены надгробия. Череп хорошей сохранности принадлежал женщине, в возрасте свыше пятидесяти лет.

Среди многих статуй в субургане выделялась одна с двумя головами Будды. Пантеон хара-хотоского собрания вообще велик: из Будд мы имеем „Алмазнопрестольного“, „Владыку врачевания“, „Будду, вращающего колесо закона“, „Будду учащего“, „Будду созерцающего“, стоящего Будду и многих других. Композиция образов та же, что и в современной тибетской живописи.

Среди монгольских документов, найденных в Хара-хото, имеется около десятка небольших фрагментов, обнаружена также книжка в 34 листа, остальные документы в 10 — 12 строк. При незначительности по объему этой коллекции, она разнообразна по содержанию. Книжка для гаданий, особенно при определении счастливых и несчастливых дней, составлена по китайским образцам. Владелец книжки обладал знанием китайского

языка, и в ней повсюду встречаются китайские слова, переданные китайскими иероглифами или монгольскими буквами, а в конце даже помещены целые рецепты, на китайском языке, для приготовления лекарства от болезней, которыми страдают лошади. Для монгола-скотовода эти рецепты представляли особый интерес, и потому они были записаны в гадательную книжку, находившуюся в постоянном употреблении, так как она изношена. Один фрагмент в 14 строк носит дидактический характер и, насколько можно заключить по разобранной части, представляет собою отрывок из поучений Чингис-хана.

Большая часть документов — деловая переписка; письма с поднесением подарков, жалоба по случаю похищения лошади, два долговых акта о получении займы пшеницы, с именами, печатями, или „знаменами“, должников, поручителя и свидетелей. Оба последних документа написаны по одной трафаретной форме, которая принята в уйгурских долговых расписках, найденных в Восточном Туркестане, и, очевидно, была заимствована монголами, вместе с письмом, у уйгуров.

Среди находок 1908 — 1909 гг. видное место занимает отрывок персидского текста знаменитой книги „Семи мудрецов“ — Китаб и Синдбад. Книга эта, известная на Востоке и на Западе, ведет свое начало из Индии, и была чрезвычайно популярна у арабов и у персов. Сочинение это распространилось в турецком и монгольском мире, но до сих пор не имелось прямых указаний на пути распространения „Семи мудрецов“. Теперь же становится ясным, что среди тангутов жили персы, которые занесли сюда персидскую версию этой книги.

Среди книг библиотеки нами был обнаружен словарь, заключавший в себе между прочим и язык Си-ся. Это обстоятельство дает специалистам возможность читать книги на неведомом языке.

В большинстве книг, письмен, иконописи, а также и в предметах обихода Хара-хото отразилась полностью культура XI — XII вв. нашей эры. При раскопках домов внутри города в развалинах лавок, между прочим, были найдены и образцы бумажных денег Юаньской династии, на которых есть надпись: „Поддельвателям будут отрублены головы“.

В последнюю экспедицию 1923 — 1926 гг. мои сотрудники прожили в мертвом городе около двух месяцев. Через сохранившийся пьедестал „Знаменитого“ субургана С. А. Глаголевым было прорыто два хода, в поисках научных ценностей под сторонами надгробия. Раскопки дали многочисленные обрывки письмен, лепные, глиняные украшения, отдельные кости человеческого скелета и обломок плиты, с надписью и рисунком. Внутри города мои спутники раскопали несколько фанз, из которых извлекли монеты, медные украшения, бусы, земледельческие орудия (сохи), топоры и проч. Для детального описания и составления чертежей другим моим сотрудником, К. К. Даниленко, были освобождены от песка части построек — кумирен, среди которых обнаружены тончайшие прекрасные фрески на глине, которыми были украшены все стены. В красках преобладают

зеленовато-голубые тона, а рисунок по большей части изображает фантастических птиц, как например, двухголового попугая, павлина и т. п.

В одной из ниш северной стены нам посчастливилось найти целую серию глиняных головок, с необыкновенно сильно и ярко выраженной экспрессией лиц. Это, повидимому, в большинстве случаев обломки статуеток учеников Будды. Очень ценной находкой я считаю также большую глиняную цветную статую Будды и отдельную голову Будды,¹ открытые случайно под небольшим слоем песка. Богатая керамика послужила прекрасным и разнообразным украшением нашей коллекции. В настоящее время удалось уже реставрировать большой и несложный по работе сосуд для хранения воды, средней величины вазу с орнаментом и некоторые другие предметы из обожженной глины. Обломки тонкого фарфора также были обнаружены во многих местах города в изобилии.

Неподалеку от западной стены Хара-хото оказался погребенным в песке полный человеческий скелет отличной сохранности, что, в связи с нахождением в прошлую экспедицию человеческого черепа, дает возможность сделать антропологическую оценку жившего здесь народа.

Обрывки писем на бумаге, а также лоскутки шелковых тканей с цветными рисунками найдены в различных местах города в большом количестве.

Изучив самым детальным образом остатки построек мертвого города в течение прошлого лета 1926 года, я могу констатировать факт, что Хара-хото продолжает довольно быстро разрушаться. Почти ежедневные летние и весенние бури, резкая смена температур, редкие, но необычайно сильные ливни из года в год изменяют облик развалин. В 1909 году, в северо-западной части городской стены, я наблюдал лестницу, которую в 1914 году археолог Штейн еще сфотографировал и показал, что на ней ясно видны ступени и парапет. В настоящее время лестницы уже не существует; вместо нее на стену ведет узкий, круто поднимающийся желоб. Медленное изменение общей картины мертвого оазиса происходит также благодаря передвижению участков песка. Через несколько сот лет, а может быть и десятков лет, песчаные барханы надвинутся на одни развалины и обнажат другие, никем еще не исследованные. В самом городе с каждым годом песков скапливается все большее количество, и можно думать, что со временем вся крепость будет погребена под ними.

Местные торгоутские власти, в лице моего старого друга Торгоут-Гуна и его взрослого сына — фактического начальника торгоутов, приняли меня торжественно и искренно. Они оба сделали все, что от них зависело, чтобы обеспечить успех работ экспедиции и благополучное следование каравана, нагруженного научными сокровищами, к родным пределам.

В течение всего моего десятидневного пребывания в мертвом городе ко мне являлись мои прежние работники, проводники и друзья, помнившие

¹ Отдельная голова Будды покоилась самостоятельно, вне стен крепости.

русских со времени открытия Хара-хото в 1908 году. В конце июня я простился со своим детищем, подарившем мне столько прекрасного, и, оставив его досыпать свой сон в глубине песков, вновь повел караван на север.

При новом пересечении Монгольского Алтая, на одной из плоских вершин священного массива Ихэ-богдо, на его восточном крыле, на высоте 2900 метров над уровнем моря, совершенно случайно я открыл величественную могилу — ханский мавзолей. К северу и югу уходят дали на сотни километров, а с востока и запада глядят сюда вершины Ихэ-богдо и Бага-богдо. Вот, где нашел себе упокоение один из великих вождей древних времен Монголии!

Наличие большого количества историко-археологических памятников в Монголии дает надежду, что науке удастся восстановить быт того замечательного народа, который оставил нам несомненные следы своего существования в Северной Монголии и в южных предгорьях Монгольского, или Гобийского, Алтая.

Решение этой задачи выпадает на долю русской науки.

Подведем итоги общим научным достижениям экспедиции:

Прежде всего, в Северной Монголии, в Кэнтэе, открыты и исследованы глубокие могилы, относящиеся ко времени Ханьской династии — к III—IV веку до нашей эры, с культурой Китая, с одной стороны, и античными влияниями, с другой.

В дальнейшем, с продвижением экспедиции в глубь Монголии, пройдено маршрутно-глазомерной съемкой (пяти- или десятиверстного масштаба) около 3.500 километров, опирающихся на астрономические пункты и многочисленные гипсометрические определения.

Изучен Южный Хангай, степные и пустынные части Монголии вплоть до мертвого города Хара-хото.

Исследованы большие и малые озера, с измерением глубин и сбором водных флоры и фауны, при чем отмечены незначительная глубина бассейнов и наличие процессов усыхания.

Как на месте в Кэнтэе, так и на всем пути экспедиции непрерывно производились метеорологические наблюдения. Долгие стоянки в различных местах Гоби, зимовки в Хангае и низовье Эцзин-гола будут служить опорными пунктами для общих выводов о климате Монголии.

Во время всего путешествия велись естественно-исторические наблюдения, и собирались коллекции в областях геологии, ботаники, зоологии.

Образцов горных пород собрано около 500 номеров.

Растений — 750 видов в количестве до 3000 гербарных листов. Кроме того, имеется порядочное количество семян, наиболее характерные образцы которых уже посеяны в Ботаническом саду Республики.

Зоология: крупных и мелких млекопитающих добыто более 60 видов, в количестве около 600 экземпляров. Отдел млекопитающих обогащен, между прочим, редким дорогим экземпляром грызуна — замечательного

тушканчика, *Salpingotus kozlovi*, изловленного в Хара-хото. Надо заметить, что этот своеобразный тушканчик до сего времени имелся (и тоже из Хара-хото) лишь в одном экземпляре, и только в Зоологическом музее Академии Наук СССР.

Птиц — 300 видов или 2000 экземпляров. Наиболее интересные птицы, подобно грызунам, положены в спирт.

Гнезд с яйцами 40. Среди гнезд впервые добыты гнезда пустынно-горных обитательниц — завирушки, *Prunella kozlovi*, и *Sylvia nana*.

Рыб — немного и количеством особей и разнообразием.

Пресмыкающихся и земноводных (змеи, дневные и сумеречные ящерицы, лягушки, жабы) — свыше 100 экземпляров.

Отдел насекомых и богат и очень разнообразен: общее количество их простирается до 30.000 экземпляров. Конечно, среди этого отдела находится более новых форм, нежели среди других.

В северной Гоби найден непосещенный европейцами район, богатый ископаемыми остатками позвоночных: носороги, жираффа, трехпалая лошадь, *Hipparion*, козы, олень, крупные и мелкие грызуны и гиены.

Этнографические наблюдения над монголами и торгоутами Эцзин-гола велись экспедицией систематически.

Открыты и фотографически сняты многочисленные древние погребения, их памятники — нередко с любопытными орнаментами.

Найдены исключительные по своему содержанию монгольские и китайские письма, или надписи, а также рисунки на скалах, плитах и отдельных камнях. „Лирическое стихотворение *Сю-ту-таййи*, приводимое в первой надписи, построено по образцу монгольских лирических песен. Как и большинство последних, оно разделяется на четверостишия, при чем каждое четверостишие, отмеченное формальными признаками, представляет собою одно законченное предложение, лирическое и грамматическое. В общем стихотворение *Цокту-тайджи* напоминает нам один определенный тип произведений монгольской письменности: народную песнь, попавшую в книгу и получившую поэтому книжный, письменно-монгольский облик. Со стихотворным произведением *Цокту-тайджи*, действительно, произошло то же, что происходит иногда с песнями: автор его произнес, а потом оно было записано слышавшими. Обе рассматриваемые надписи написаны простым и легким языком. Первая, большая надпись; содержащая стихотворение *Цокту-тайджи*, отличается от огромного большинства произведений монгольской письменности тем, что А. Н. Веселовский называл „аромат степи“. Это тем более любопытно, что стихи нашего тайджи вполне проникнуты буддийским настроением“.¹

Исследованы развалины обширного монастыря Олун-сумэ, залегающего у восточной подошвы Южного Хангая. В одном переходе к северо-востоку отмечены другие развалины Ламэн-гэгэн.

¹ Б. Я. Владимирцов, I. с.

В верховьи Орхона открыт могучий водопад — „Водопад экспедиции Козлова“, сливающий пенистые воды в глубокий каньон.

Произведены дополнительные раскопки мертвого города Хара-хото, давшие немало нового материала, относящегося преимущественно к культуре и обиходу исчезнувшего с лица земли племени Си-ся. Сняты детальные планы не только внутри города, но и по всей площади обширного оазиса, окружность которого простирается до пятидесяти километров. Наблюдения 1909 года и только-что произведенные дают наглядное представление об интенсивном засыпании песком развалин этого города.

На одной из вершин Монгольского Алтая, его священном массиве Ихэ-богдо, открыт богатый древний мавзолей хана, с видом вокруг на сотни километров, вызвавший в последнее время огромный интерес не только у нас и в Европе, но и в отдаленной Америке; а в Хангае, у восточной подошвы Хан-кокшун-ула обнаружены развалины китайского города Шюа-уй-чжэн; каменная плита с китайским письмом гласит о том, что город этот был построен в 1275 году войсками Хубилай-хана, захватившего трон китайского императора.

На гребне восточного Хангая, среди суровых камней, экспедиция нашла усыпальницу тринадцати поколений Сай-ноин-ханов — прямых потомков Чингис-хана.

В горах и долинах того же Хангая нередки горячие целительные источники, с температурой у места выхода их на дневную поверхность от 15,5° до 55,5° С. На одном таком целительном источнике, в 25 км к северо-западу от монастыря Уйцзэн-ван-курэ, имеются ванны для больных монголов, страдающих преимущественно ревматизмом и желудочными болями.

Для иллюстрирования предстоящих печатных трудов экспедиции заснято до трехсот фотографических пластинок.

Научные ценности экспедиции, доставленные своевременно в Ленинград и выставленные на обозрение в здании Русского Географического Общества, ныне находятся в музеях, преимущественно Академии Наук и в Русском Музее, где над ними уже работают специалисты, с целью определения и изучения.

В заключение, прежде всего, приношу мою глубокую благодарность и признательность Географическому Обществу, Академии Наук и управляющему делами Совета Народных Комиссаров Николаю Петровичу Горбунову за проведение экспедиции, затем такую же благодарность и признательность выражаю Монгольскому Правительству и Монгольскому Ученому Комитету за содействие и, наконец, товарищеское спасибо всем моим спутникам — старшим и младшим сотрудникам, с любовью, беззаветно отдававшим делу экспедиции свои силы и умение и тем самым в большой мере способствовавшим успеху ответственной задачи.

НАУЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Г. Р. Г. О.,
ДОБЫТЫЕ И ДОСТАВЛЕННЫЕ В ЛЕНИНГРАД

(1923 — 1926)

Записи и съемки

П. К. Козлов. Дневник путешествия, пять книжек	1099 страниц.
Дневник метеорологический, гипсометрия и маршрут экспедиции, две книжки	200 „
Журнал астрономический, пять пунктов: Улан-Батор-хото, урочище Улхуин-булун, Битютэн-ама, урочище Холт, Хара-хото. Археологические заметки, частью в дневнике путешествия, частью в отдельной тетради до	100 „
Заметки о млекопитающих, одна книжка	75 „
Е. В. Козлова. Дневник орнитологический, две книжки	250 „
План и чертежи развалин Олун-сумэ.	
План и чертежи раскопок остатков позвоночных в урочище Холт, в Северной Гоби.	
С. А. Глаголев. Общий дневник, три тетради	220 „
Метеорологический дневник.	90 „
Элементы съемки	87 „
Данные высот и профилей	50 „
Дневник работ в Хара-хото	50 „
К. К. Даниленко. Материал к познанию развалин Хара-хото: таблицы 37 чертежей и планов и рукопись около	70 „
А. Д. Симуков. В гольцах Кэнтэя: карта, планы, чертежи и рукопись	60 „
П. К. Козлов. Маршрутно-глазомерная съемка 10-верстн. масштаба:	
1) по Хангаю и Орхону	200 верст.
2) от Монгольского Алтая до Хара-хото	400 „
Е. В. Козлова. Маршрутно-глазомерная съемка 5- и 10-верстн. масштаба:	
1) от Урги до Ю. В. Хангая и Орхона, около	650 „
2) через урочище Холт в Монгольский Алтай, около	250 „
С. А. Глаголев. Маршрутно-глазомерная съемка 10-верстного масштаба: от Улан-Батор-хото через Хурху в Хара-хото; отсюда в Ноин-богдо, опять в Хара-хото, и обратный путь через Арца-богдо, Холт, Уйцзэн-ван, Мишик-гун в столицу Монголии	2060 „

П. К. Козловым снято до 300 слишком *фотографических пластинок*, с наиболее характерных из которых приготовлено 150 диапозитивов.

Археологические научные ценности (их большое собрание) распределены следующим образом:

I. Все находки, добытые в Ноин-ула, в курганах: Первом, или „Мокром“, (ткани, нефрит, неповрежденная урна и проч.), Шестом, или „Верхнем“, — самом глубоком и самом богатом (гобелен „Всадники“, ковер с грифоном, ковер с черепаками и рыбами, костюм покойника, лаковые чашечки „шан-линь“, металлическая рельефная бляха, деревянное орудие для добывания огня и мног. друг.), Двадцать третьем (золотые женские украшения), Двадцать четвертом (ткань с птицами на скалах, нефритовая, с драконом, пластинка), Двадцать пятом (бронза), впредь до окончания определения и изучения, сосредоточены в Академии Истории Материальной Культуры.

II. Из раскопок в Хара-хото: 152 номера (статуя и до 30 голов будд или бодисатв, глиняные золоченые украшения, фрески, медные, железные и бронзовые изделия, предметы домашнего обихода, монеты, керамика, кирпич, скелеты и проч.), переданы в Русский Музей, его этнографический отдел, в общее пополнение коллекции „Хара-хото“. Туда же пошли и археологические сборы: Улхуин-булун, Цзэггэстэ, Олун-сумэ, усыпальницы Сайн-ноин-ханов, каменная баба „Хара-ушхай“ и так называемый „подъемный“ материал (в Северной Гоби и по Орхону).

III. Все письмена, рисунки, найденные в Хара-хото, а также листы книг с санскритом, письмена на бересте, остатки клише из Олун-сумэ, и дощечки с рисунками и письмом с усыпальницы Сайн-ноин-ханов переданы в Азиатский Музей Академии Наук СССР, где уже хранится вся хара-хотоская библиотека, со времени открытия и первых раскопок П. К. Козловым мертвого города Хара-хото.

Этнография — буддийские статуетки, китайские бронзовые вазы и курильницы, монгольские музыкальные инструменты, золоченые с цветными камнями убранства головы монгольской сановной женщины и многое другое традиционно поступило в Этнографический отдел Русского Музея.

Геологическая коллекция экспедиции, около 500 образцов, поступила в Геологический Музей Академии Наук для тщательного изучения и определения. Все ископаемые позвоночные, остатки носорогов, жирафы, трехпалой лошади (*Hipparion*), остатки коз, оленя, крупных и мелких грызунов, гиен, сданы в Палеонтологический Музей Академии Наук, в ведение проф. А. А. Борисяка.

Гербарий экспедиции — 750 видов растений или 3000 листов и 50 пакетов семян — передан в Главный ботанический сад на определение и изучение.

С тою же целью сдана вся *зоологическая коллекция* экспедиции в Зоологический Музей Академии Наук.

Млекопитающих 65 видов или около 600 экземпляров (большинство с черепами и скелетами); над ними работают: А. А. Бялыницкий - Бируля, но главным образом — Б. С. Виноградов, имеющий намерение приготовить специальный том в общее издание трудов Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического Общества.

Сборы птиц — 300 видов, в количестве 2.000 экземпляров — описываются орнитологом экспедиции Е. В. Козловой, под руководством академика П. П. Сушкина.

После обработки млекопитающих и птиц, дневники этих обоих отделов традиционно перейдут в архив Зоологического Музея.

Небольшое собрание рыб поступает на определение проф. Л. С. Берга.

Пресмыкающиеся и земноводные: змеи, дневные и сумеречные ящерицы, лягушки, жабы, общим числом около сотни экземпляров, находятся на изучении зоолога С. Ф. Царевского.

Над многочисленными насекомыми, коих свыше 20.000 экземпляров, работают зоологи-энтомологи: А. П. Семенов-Тян-Шанский, В. В. Боровский, Ф. Д. Плеске, А. А. Штакельберг, А. С. Скориков, А. Н. Кириченко, Н. Я. Кузнецов и друг.

Весь энтомологический сбор экспедиции можно подразделить таким образом:

<i>Coleoptera</i>	5434	экземпляров.
<i>Diptera</i>	9119	”
<i>Hymenoptera</i>	1847	”
<i>Lepidoptera</i>	2173	”
<i>Neuroptera</i>	80	”
<i>Trichoptera</i>	21	”
<i>Odonata</i>	18	”
<i>Agnatha</i>	9	”
<i>Plecoptera</i>	19	”
<i>Dermatoptera</i>	3	”
<i>Orthoptera</i> ¹	757	”
<i>Thysanoptera</i>	24	”
<i>Heteroptera</i>	2223	”
<i>Homoptera</i>	106	”
<i>Aphidiodea</i>	15	”

Всего . . 21.848 экземпляров.

Ученый хранитель Зоологического Музея Академии Наук Б. С. Виноградов говорит: „Экспедицией П. К. Козлова, между прочим, собрана коллекция грызунов из третичных и послетретичных отложений Монголии. Среди собранных третичных форм обращает на себя внимание несколько остатков интересного олигоценового грызуна *Tsaganomys*, недавно описанного по материалам американской экспедиции Эндрюса. В собранной коллекции есть также обломки резцов какого-то гигантского грызуна, значительно превосходящего по размерам бобра, не поддающегося точному определению по недостатку материала. Исследование ископаемой фауны Монголии представляет очень большой интерес, и проделанную в этом отношении работу экспедиции следует признать важной рекогносцировкой, дающей возможность в дальнейшем приступить в определенных пунктах к планомерным раскопкам в широком масштабе“.

Зоолог Зоологического Музея Академии Наук П. В. Серебровский, между прочим, пишет: „Коллекция птиц несомненно велика. Удивляет то, что она пришла в таком свежем виде, как-будто только-что собрана. Сборы производились со знанием дела, весьма толково — обращено внимание в первую очередь на выяснение состава гнездовой и пролетной фауны птиц. В научном отношении коллекция представляет богатый материал к почти детальному обзору орнито-фауны большого, обследованного экспедицией района. Найден целый ряд еще неизвестных форм птиц. Границы многих видов теперь становятся более или менее ясны. В этом отношении обнаруживается целый ряд неожиданностей. Сборы Козлова позволяют также сильно отодвинуть на восток известные до сего времени границы распространения целого ряда птиц. Добыт целый ряд птиц, малоизвестных из тех местностей или, вообще, редких в коллекциях. Попадаются и необыкновенно редкие и ценные формы: помесь между двумя видами снегирей, выродки ворон, глухарей и различных других видов“.

Старший зоолог Зоологического Музея Академии Наук А. П. Семенов-Тянь-Шанский, сообщает: „Собрание жесткокрылых насекомых, жуков, привезенное экспедицией П. К. Козлова из Монголии, представляет большую научную ценность. Оно не только дает общее представление о зоогеографическом характере фауны северной и центральной Гоби, но и содержит многочисленные и весьма интересные прибавки к фауне Монголии вообще. Только благодаря тщательным полевым изысканиям экспедиции Козлова выясняется, что некоторые роды жуков, считавшиеся до сих пор исключительно Туранскими или даже Средиземноморскими, имеют своих представителей в фауне Монголии. Богатый и разнообраз-

¹ В том числе, Larvae — 400.

ный сбор жесткокрылых экспедиции Козлова обогащает науку рядом совершенно новых для нее форм жуков, среди которых имеются не только новые виды, но и представитель по крайней мере одного нового рода. Особенно хорошо освещена сборами экспедиции фауна Хангая и центральной Гоби, что очень важно после того, как сборы той же экспедиции за предшествовавшие годы хорошо осветили фауну Ургинского района. Детальное обследование фауны центральных частей Гоби, в связи с изысканиями прежних экспедиций Козлова, Потанина, Пржевальского в южных частях Монголии, именно в Алаша и Ордосе, дает нам впервые прочное основание для суждения о зоогеографическом характере фауны внутренней Монголии вообще, об ее происхождении и истории развития“.

Заведующий отделением двукрылых зоолог Ф. Д. Плеске говорит: „Двукрылые, собранные экспедицией П. К. Козлова в 1926 г., отмечаются весьма большим разнообразием форм. Особенный научный интерес представляет нахождение следующих форм: 1 вид рода *Pterodontia*, единственный палеарктический вид которого был известен из Крыма. 1 вид *Oestromyia*, крайне редкого рода оводов, паразитирующих на пирухах, 1 вид рода *Pastrophilus*, по всей вероятности относящийся к редчайшей форме *G. negricornis*, хороший подбор представителей рода *Nemestrina*, многочисленных форм сем. *Bombyliidae*, особенно из родов *Systoechus*, *Anastoechus* и *Echoprosopa*, несколько экземпляров мухи *Cynomyiomyia* Rhod. представленный в Музее одним экземпляром, а также некоторые другие.

Старший зоолог Зоологического Музея Академии Наук Н. Я. Кузнецов пишет: „Материалы по чешуекрылым насекомым (*Lepidoptera*), собранные в 1926 г. П. К. Козловым в области системы Хангая и северо-восточной части Гоби, представляют выдающийся интерес. Они собраны в большом обилии, с полным знанием дела, равномерно по всем группам отряда, со включением ночных форм, и дают, в общем, вполне выразительную картину фауны чешуекрылых исследованной местности, позволяя определить и ее общую характеристику и состав входящих в нее элементов. В этой своеобразной „монгольской“ фауне отсутствуют элементы манджурской подобласти, ослаблено влияние фауны сибирской, замечается некоторое проникание элементов восточно-туркестанских и еще отсутствуют формы, характерные для Тибета. Впрочем, нужно сказать, что эти материалы по *Lepidoptera*, собранные П. К. Козловым, являются первыми во времени в науке, так как посещенные им в этом году места в энтомологическом отношении до сего времени совершенно не изучались и были неизвестными. Поэтому и попытка к полной их характеристике до их подробной разработки, — преждевременна“.

Директор Зоологического Музея Академии Наук А. А. Бялыницкий-Бируля уже напечатал статью: „Zoologische Ergebnisse der von P. K. Kozlov in den Jahren 1925—1926 ausgeführten Expedition nach der Mongolei. 1. Skorpione und Solifugen“. Ежегодник Зоологического Музея, 1927, стр. 201—218.

Рис. 17. Орокнорские монголы.

Рис. 18. Торгоутский гун Даши, с женой.

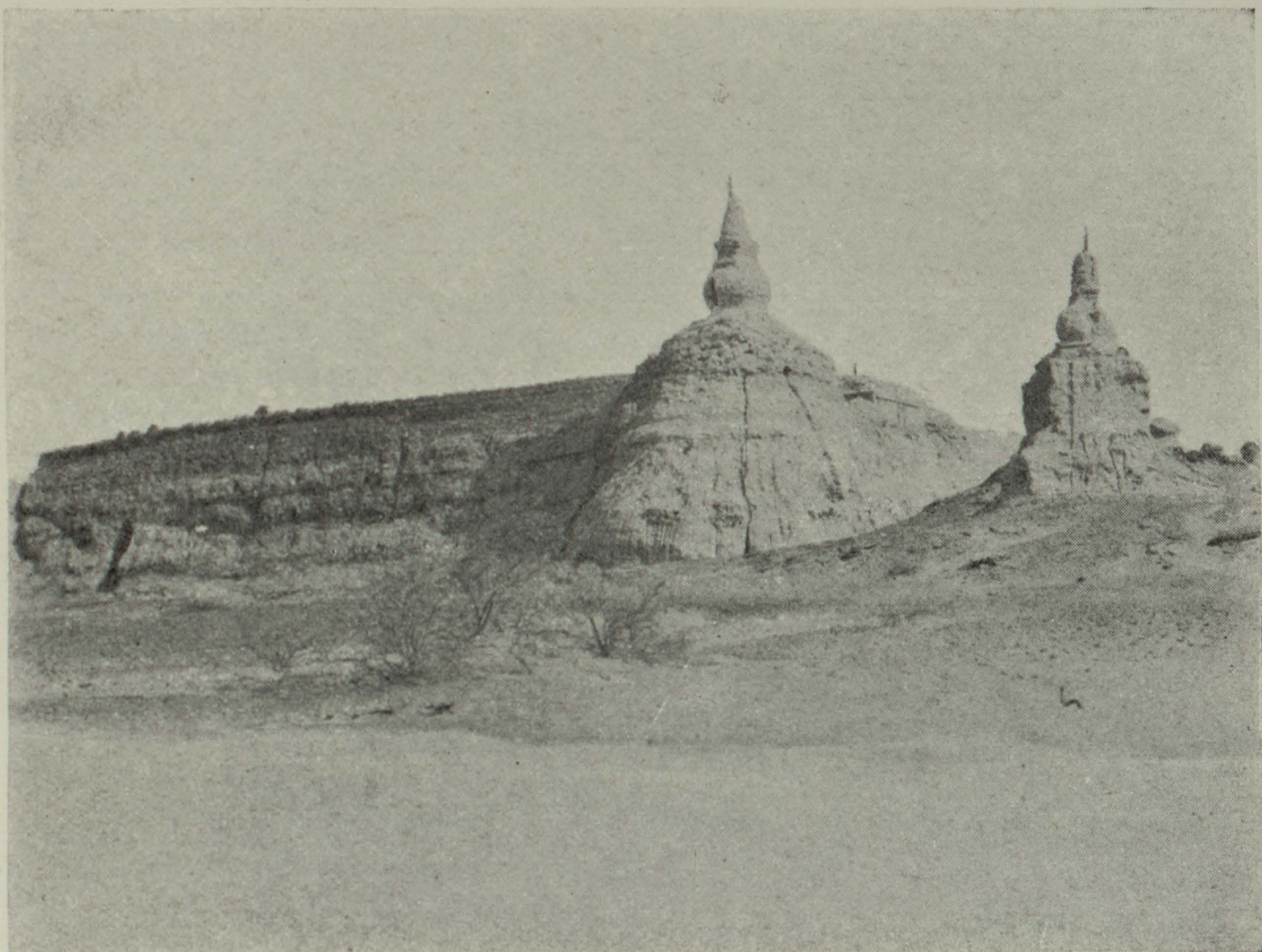

Рис. 19. Хара-хото (с северо-запада).

Рис. 20. Гончик-торгоут (лучший рабочий) и С. А. Глаголев,

Рис. 21. Гора с ханским мавзолеем.

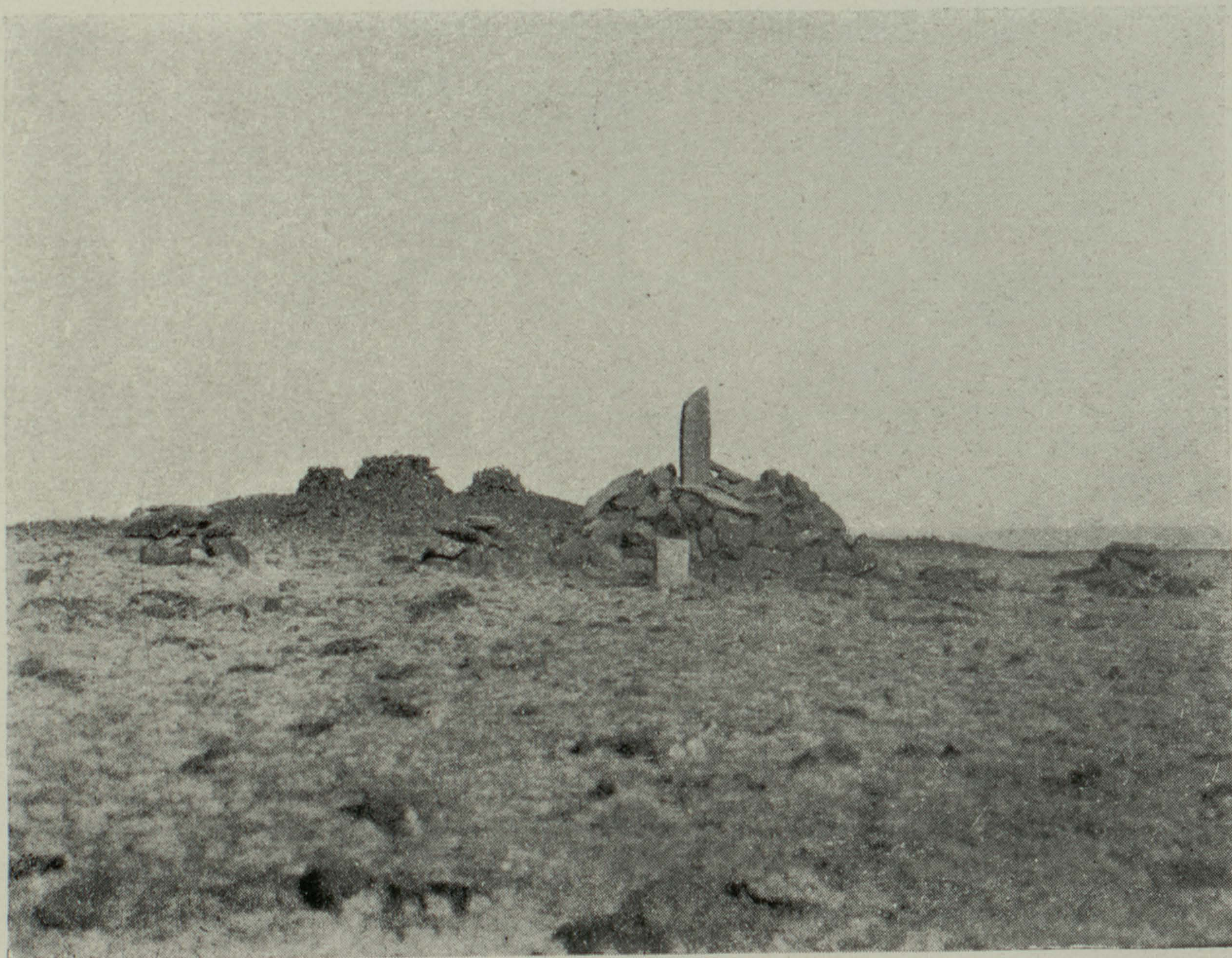

Рис. 22. Мавзолей хана в Ихэ-богдо.

Цена 1 р. 50 коп.